Артемис Фаул. Парадокс времени

Автор:
Йон Колфер

Артемис Фаул. Парадокс времени

Йон Колфер

Вселенная Артемиса Фаула #6

Пока Артемис Фаул спасал демонов на Гибрасе, жизнь у него дома шла своим чередом. По возвращении юный гений обнаружил, что за три года отсутствия обзавелся двумя братцами-близнецами. Родители счастливы снова обрести сына, однако семейная идиллия длится недолго: мать Артемиса тяжело заболевает. Выясняется, что это редчайший случай чаротропии – страшной болезни, которая несколько лет назад едва не погубила весь волшебный народец. Но чтобы человек заразился чаротропией – это просто неслыханно! Ведь болезнь передается с помощью магии. Вероятно, смертоносный вирус мутировал, и если не остановить его сейчас, опасность грозит не только волшебному народцу, но и всему человечеству. А для этого нужно всего-навсего сгонять в прошлое и возродить вымерший вид лемуров, которые обладают целебными свойствами. Но кто сказал, что Артемис Фаул не справится? В конце концов, на кону стоит жизнь его матери, которой осталось жить не более суток…

Йон Колфер

Артемис Фаул. Парадокс времени

© Н. Берденников, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Грейс, новой дочке, внучке, племяннице и кузине

Пролог

Особняк Фаулов, Дублин, Ирландия

В часе езды к северу от Дублина раскинулось поместье Фаулов. Границы его за последние пятьсот лет особых изменений не претерпели.

Со стороны шоссе особняк, скрытый вековыми дубами и прямоугольником высоких каменных стен, не просматривается совершенно. На столбах сверхпрочных стальных ворот размещены камеры видеонаблюдения. Тот, кому позволят пройти через этот портал, снабженный автономным электропитанием, окажется на посыпанной мелким гравием дорожке, плавно огибающей некогда ухоженную лужайку, ныне превратившуюся в дикие заросли.

По мере приближения к особняку деревья теснятся все ближе друг к другу: высоченные дубы и конские каштаны вперемежку с более изящными ясенями и ивами. Расчищенная дорожка и фонари, парящие в воздухе на первый взгляд без всякой опоры, – вот и все признаки заботы о парке.

На протяжении веков родовое поместье Фаулов не раз становилось ареной захватывающих приключений. В последние годы приключения эти приобрели несколько волшебный оттенок, но почти никто из Фаулов об этом не подозревал. Так, большинство домочадцев понятия не имели, что главный холл однажды был превращен в руины, когда волшебный народец послал тролля, чтобы тот уничтожил Артемиса, старшего сына в семье и гениального преступника. На тот

момент этому юноше исполнилось всего двенадцать лет. Однако в последнее время ничего противозаконного в особняке не происходило. Никакой спецназ Нижних Уровней не штурмовал крепостные стены; в подвале не сидела заложница-эльфийка, офицер Подземной полиции; нигде не мелькал настраивающий подслушивающие приборы или тепловые сканеры кентавр. Артемис заключил с волшебным народцем мир и подружился со многими его представителями.

Криминальная деятельность приносила Артемису огромную прибыль, но обходилась ему еще дороже. Люди, которых он любил, теряли рассудок, страдали. Порой их даже похищали. Последние три года, пока он сражался с демонами на Гибрасе, родители считали его погибшим. Вернувшись, потрясенный Фаул обнаружил, что мир, несмотря на его отсутствие, продолжал вращаться, а сам он обзавелся братьями-близнецами двух лет от роду – Беккетом и Майлзом.

Глава 1

«Эспрессо» и патока

Удобно устроившись в бордовом кожаном кресле, Артемис воззрился на Беккета и Майлза. Маму свалил грипп, папа находился в ее комнате вместе с врачом, поэтому карапузов развлекал старший брат. А что может быть веселее урока!

Сегодня Артемис решил одеться попроще: небесно-голубая шелковая рубашка, светло-серые шерстяные брюки и мокасины от Гуччи. Он зачесал темные волосы назад и постарался придать лицу жизнерадостное выражение, что, как он слышал, очень нравится детям.

– Артемис хочет пи-пи? – Беккет восседал на тунисском ковре в одной перепачканной травой футболке, которую натянул на колени.

– Нет, – бодро отозвался старший брат. – Просто пытаюсь выглядеть веселым. Разве тебе не положено носить памперс?

– Памперс! – презрительно фыркнул Майлз.

Он еще в четырнадцать месяцев научился обходиться без подгузников, забираясь на сиденье унитаза при помощи лестницы, сложенной из томов энциклопедии.

– Памперс – не! – Беккет надул губы и прихлопнул застрявшую во влажных светлых кудрях еще жужжащую муху. – Беккет ненавидит памперс.

Артемис недоверчиво прищурил глаз. Сомнительно, чтобы няня забыла надеть на братца подгузник, а потому следовало бы задуматься, где сей предмет находится в данный момент.

– Хорошо, Беккет, – продолжил он. – Отложим вопрос о памперсах на потом и займемся сегодняшним уроком.

– На потом – это шоколадки, – заметил Беккет и растопырил пальцы, словно пытаясь дотянуться до воображаемых сладостей.

– Да, конечно. На потом иногда бывают шоколадки.

– И «эспрессо», – добавил Беккет, чьи вкусы по части еды отличались своеобразием: он обожал «эспрессо» в пакетиках и патоку. Желательно в одной емкости.

Однажды ему удалось сделать несколько глотков этой гремучей смеси, прежде чем у него отобрали чашку. Юный гурман не спал двадцать восемь часов.

– Артемис, давай учить новые слова. – Майлзу не терпелось поскорее вернуться к оставшейся в спальне колбе с плесенью. – У меня сперимент с Профессором Приматом.

Плюшевая обезьяна по имени Профессор Примат являлась непременным участником лабораторных опытов Майлза. Большую часть времени мягкая

игрушка проводила в химическом стакане из боросиликатного стекла на сперементальном столе, а Артемис перепрограммировал ее голосовой аппарат так, чтобы она отзывалась на голос братишки двенадцатью фразами, включая «Оно живое! Оно живое!» и «Этот день войдет в историю, профессор Майлз».

– Скоро ты сможешь вернуться в свою лабораторию, – пообещал Артемис. Майлз был сделан из того же теста, что и старший брат, – прирожденный исследователь. – Итак, ребята, сегодня мы займемся ресторанными терминами.

– Слизняки – они как червяки, – заявил Беккет, не склонный зацикливаться на одной теме.

Артемис не сразу понял, что малыш имел в виду. Никаких червяков в меню, конечно, оказаться не могло – другое дело, улитки.

– Забудь о червяках.

– Забыть о червяках?! – с ужасом переспросил Беккет.

– На время, – успокоил его наставник. – Как только закончим новую игру, можешь думать о чем угодно. А если будете вести себя хорошо, я отведу вас к лошадкам.

До сих пор единственным видом спорта, удостоившимся благосклонности Артемиса, оставалась верховая езда. Что естественно, ведь основную работу выполняла лошадь.

Беккет указал на себя.

– Беккет, – объявил он с гордостью. Червяки уже превратились в далекое воспоминание.

– Простак, – вздохнул Майлз.

Старший Фаул уже начинал потихоньку жалеть о выбранной им теме урока, однако, раз начав, был решительно настроен продвигаться вперед.

– Майлз, не называй своего брата простаком.

– Не бойся, Артемис. Ему нравится. Беккет, ты простак?

– Беккет – простак, – с готовностью подтвердил малыш.

Артемис потер руки:

– Хорошо, братья мои. Продолжим. Представьте, что вы сидите за столиком в кафе на Монмартре…

– В Париже, – добавил Майлз, самодовольно поправляя позаимствованный у отца широкий галстук.

– Да, в Париже. И несмотря на все ваши усилия, внимание официанта вам привлечь не удается. Ваши действия?

Близнецы тупо уставились на него. Артемис прикинул, не слишком ли сложную тему он выбрал для урока, и тут же с несказанным облегчением и легкой долей удивления заметил искорку понимания, мелькнувшую в глазах Беккета.

– Гм… сказать Дворецки надавать ему по голове?

Майлз тоже выглядел приятно удивленным.

– Простак прав.

– Нет! – воскликнул Артемис. – Вы просто поднимаете один палец и отчетливо произносите: «Ici, gar?on»[1 - Официант, сюда (фр.) (Здесь и далее примеч. ред.)].

– Ищи чего?

– Что? Нет, Беккет, не «ищи». – Артемис вздохнул.

Невозможно. Просто невозможно. А ведь ему вскоре предстояло объяснить близнецам, что такое флэш-карта, и научить их работать модифицированной лазерной указкой, при помощи которой можно либо выделить слово, либо прожечь несколько стальных пластин – в зависимости от настройки…

– Попробуем вместе. Поднимите один палец и скажите: «Ici, gar?on». Все вместе…

Малыши с готовностью выполнили просьбу. Все, что угодно, лишь бы доставить удовольствие чокнутому братцу.

– Ici, gar?on, – произнесли они хором, подняв пухленькие пальчики.

А затем Майлз прошептал, едва шевеля губами, на ухо Беккету:

– Артемис – простак.

Старший брат поднял руки:

– Сдаюсь. Вы победили, с уроками покончено. Может, порисуем?

– Превосходно! – воскликнул Майлз. – Я нарисую свою колбу.

– А мне не будет уроков? – с подозрением поинтересовался Беккет.

– Нет, не будет. – Артемис в приливе нежности взъерошил волосы младшего брата и тут же пожалел об этом. – Никаких.

– Хорошо. Теперь Беккет доволен. Смотри. – Малыш показал на себя, особо подчеркнув широкую улыбку на чумазом личике.

Войдя в комнату, отец узрел всех троих растянувшимися на полу и перемазавшимися по локти в плакатной краске. После длительного дежурства в качестве сиделки Фаул-старший выглядел несколько утомленным, однако оставался как обычно сильным и подтянутым. Несмотря на искусственную ногу,

он двигался так, будто всю жизнь занимался спортом. Биомеханический протез состоял из наращенного обрубка кости, титановых стержней и имплантированных датчиков, реагирующих на сигналы спинного мозга. Иногда, в конце трудного дня, Фаул-старший прикладывал к ноге разогретый в микроволновке мешочек со специальным гелем, чтобы снять напряжение, но в целом вел себя так, словно новая конечность являлась естественной частью организма.

Перепачканный краской Артемис поднялся с пола.

– Я оставил затею научить их французским словам и решил просто поиграть с ними, – сообщил он с улыбкой, вытирая руки. – Удивительно раскрепощает. Рисуем прямо пальцами. Пытался ввернуть небольшую лекцию на тему кубизма, но в награду за старания меня обрызгали краской.

Тут Артемис заметил, что родитель выглядит не просто уставшим. Его что-то явно встревожило.

Оставив братьев, он вместе с отцом отошел к стеллажу с подпиравшими потолок книжными нагромождениями.

– В чем дело? Маме стало хуже?

Положив руку на передвижную стремянку, Фаул-старший перенес вес тела на здоровую ногу. Такого странного лица Артемис у него еще не видел. Нет, отец выглядел даже не обеспокоенным. Скорее, напуганным до смерти.

– Папа?

Глава семейства вцепился в ступеньку стремянки с такой силой, что дерево затрещало. Он собрался было заговорить, но передумал. Теперь занервничал и сам Артемис.

– Отец, ты должен мне все рассказать.

– Конечно, – произнес тот, вздрогнув, будто только сейчас осознал, где находится. – Я должен тебе сказать…

Слеза скатилась по его щеке и упала на рубашку, сделав голубой цвет более темным.

– Помню нашу первую встречу с твоей матерью, – произнес он. – Я был в Лондоне, на частной студенческой вечеринке. Полная комната прохвостов, и я – самый отпетый из них. Арти, она сделала меня другим человеком. Разбила мне сердце, потом снова собрала по кусочкам. Ангелина спасла мне жизнь. А теперь…

Самообладание стремительно покидало Артемиса. Кровь зашумела в ушах атлантическим прибоем.

– Мама умирает? Ты это пытаешься мне сказать?

Сама мысль казалась нелепой. Невероятной.

Отец прищурился, словно пробуждаясь от глубокого сна.

– Нет, если мужчины рода Фаулов хоть на что-то способны, верно, сынок? Настало время подтвердить свою репутацию. – Взгляд Артемиса-старшего наполнился отчаянием. – Любыми средствами. Чего бы это ни стоило.

Любыми средствами?

«Успокойся, – приказал себе Артемис. – Ты способен все исправить».

Он не обладал всей полнотой информации, но практически не сомневался в своей способности при помощи магии исцелить маму, в каком бы состоянии та ни находилась. Следует заметить, старший наследник семейства Фаул пока оставался единственным человеком на Земле, в чьем теле жила эта самая магия.

– Папа, – негромко поинтересовался он, – врач уже ушел?

Вопрос на мгновение озадачил Артемиса-старшего.

– Ушел? Ах да! Нет. Он сейчас в холле. Я как раз подумал, что ты захочешь поговорить с ним. Вдруг я что-нибудь упустил…

Артемис не сильно удивился, увидев в холле не семейного врача, а доктора Ганса Шальке, ведущего европейского специалиста по редким болезням. Естественно, отец вызвал Шальке, когда состояние Ангелины Фаул начало ухудшаться. Врач ждал под чеканным гербом рода Фаулов. У ног его, словно верный страж, застыл похожий на гигантского жука саквояж из жесткой кожи. Именитый эскулап завязывал пояс серого плаща и что-то резко выговаривал ассистентке.

В этом человеке все было острым и резким, начиная с треугольных залысин на лбу и заканчивая острыми как бритва гранями скул и носа. Два стеклянных овала увеличивали голубые глаза Шальке, губы рассекали лицо чуть кривоватой щелью и едва шевелились, когда он говорил.

– Все симптомы, – произнес он с легким немецким акцентом. – По всем базам данных, вы поняли?

Ассистентка, изящная молодая дама в дорогом сером костюме, несколько раз кивнула, записывая инструкции при помощи клавиатуры смартфона.

– Университетские тоже смотреть?

– Все, – повторил Шальке, подчеркнув слова резким кивком. – Разве я не сказал «по всем»? Или меня не понимаете вы из-за акцента? Потому что я германец происхождением?

– Простите, доктор, – извинилась ассистентка. – Конечно по всем.

Артемис подошел к врачу и протянул руку для рукопожатия. Врач не отреагировал на его жест.

– Заражение, мастер Фаул, – констатировал он без тени извинения или сочувствия. – Мы еще не определили, является ли заболевание вашей матери заразным.

Артемис сжал пальцы в кулак и убрал руку за спину. Врач, безусловно, прав.

– Доктор, мы незнакомы. Буду весьма признателен, если вы перечислите симптомы болезни моей матери.

– Хорошо, молодой человек, – раздраженным тоном произнес немец, – но я не привык иметь дело с детьми, поэтому не собираюсь подслащивать горькую правду.

У Артемиса вдруг пересохло в горле.

«Подслащивать горькую правду…»

– Возможно, состояние вашей матери уникально. – Шальке взмахом руки приказал ассистентке удалиться и заняться делом. – Как мне представляется, у нее начинают отказывать внутренние органы.

– Какие именно?

– Все, – отрезал доктор. – Мне необходимо доставить оборудование из Тринити-колледжа. Ваша мать нетранспортабельна, это очевидно. До моего возвращения ее будет наблюдать моя ассистентка Имоджин, мисс Бук. Мисс Бук не только мой пресс-агент, но и великолепная сиделка. Полезное сочетание, не так ли?

Краем глаза Артемис заметил, как мисс Бук поворачивает за угол и что-то сбивчиво говорит в смартфон. Оставалось надеяться, что пиарщица-медсестра в уходе за его матерью проявит больше уверенности.

– Думаю, да. Все внутренние органы? Буквально все?

Шальке не собирался повторять.

– Это напоминает мне волчанку, но в более агрессивной форме и в сочетании со всеми тремя стадиями болезни Лайма. Однажды в Амазонии я наблюдал племя с подобными симптомами, но не настолько ярко выраженными. При такой скорости развития болезни вашей матери осталось жить всего несколько дней. Честно говоря, я сомневаюсь в том, что мы успеем завершить все анализы. Здесь требуется чудо, но я по опыту знаю, что чудесных исцелений не бывает.

– Может, и бывают… – рассеянно отозвался Артемис.

Шальке подхватил саквояж.

– Советую верить в науку, молодой человек, – назидательно произнес он. – Именно наука поможет вашей матери, а не какие-то сверхъестественные силы.

Артемис распахнул перед Шальке дверь. Эскулап спустился по лестнице к винтажному «мерседесу». Серый цвет машины перекликался с мрачными тучами над головой.

«На науку нет времени, – подумал молодой ирландец. – Вся надежда на магию».

Вернувшись в кабинет, он застал отца сидящим на ковре. Беккет, словно мартышка, карабкался по нему.

– К маме можно?

– Конечно. Ступай к ней и постарайся разобраться, что к чему. Изучи симптомы для своего проекта.

«Он сказал, моего проекта? – Артемис сперва не поверил собственным ушам. – Похоже, нас ждут тяжелые времена».

У основания лестницы ждал гигант-телохранитель Дворецки в полном доспехе для занятий кэн-до.

– Я был в додзё[2 - Зал для упражнений в японских боевых искусствах.], тренировался с голограммой. – За решетчатым забралом шлема угадывались контуры сурового, обветренного лица. – Твой отец позвонил мне и велел немедленно возвращаться. Что происходит?

– Мама, – бросил на ходу Артемис. – Она серьезно заболела. Пойду посмотрю, не могу ли я чем ей помочь.

Дворецки с трудом поспевал за ним, громыхая нагрудной пластиной.

– Будь осторожен, Артемис. Магия не наука. Ею невозможно управлять. Ты же не хочешь ненароком ухудшить состояние миссис Фаул.

Артемис поднялся на верхнюю площадку парадной лестницы, где располагались спальни, и опасливо протянул руку к бронзовой дверной ручке, словно та находилась под напряжением.

– Боюсь, ухудшить ее состояние невозможно.

Дверь закрылась за Артемисом. Оставшись в одиночестве, телохранитель снял шлем и освободился от нагрудника хон-нури. Традиционные широкие штаны-хакама он не носил, предпочитая надевать под доспехи обычный тренировочный костюм. Несмотря на пятна пота, темными кляксами расползавшиеся по груди и спине, Дворецки проигнорировал желание немедленно отправиться в душ. Он занял пост у двери, с трудом заставляя себя не прислушиваться к тому, что происходит за ней.

Дворецки был единственным человеком, посвященным в волшебные приключения молодого Фаула. Он находился рядом с молодым хозяином во всех его предприятиях, много раз они вместе противостояли людям, и не только в самых разных уголках земного шара. Лишь путешествие сквозь века на остров Гибрас Артемис совершил без него и вернулся оттуда совершенно другим. Для начала, находясь во временно?м туннеле, юный Фаул и капитан Элфи Малой, сами того не подозревая, обменялись левыми глазами. Кроме того, за время путешествия с Земли на остров демонов и обратно Артемис, уже по своей воле, ухитрился стянуть у представителей волшебного народца, чьи атомы на тот момент перемешались с его собственными, толику магии.

По возвращении домой он первым делом с помощью неодолимых чар предложил родителям не думать о том, где их старший сын провел последние три года. Следует признать, сработано было довольно топорно, поскольку весть об исчезновении Артемиса разнеслась по всему миру и разговоры на данную тему возникали на каждом приеме, где присутствовали Фаулы.

Тем не менее юному гению ничего не оставалось, кроме как обходиться подручной магией – до тех пор, пока не удастся разжиться оборудованием для стирания памяти, применяемым сотрудниками ЛеППРКОНа. Или разработать свое собственное. А еще он посоветовал родителям на все вопросы о нем отвечать, что это семейное дело и что они просят уважать неприкосновенность частной жизни.

«Артемис – человек-волшебник, – подумал Дворецки. – Единственный на свете».

Телохранитель сразу догадался, что попытается предпринять хозяин. Без сомнения, молодой Фаул вознамерился прибегнуть к магии. Опасная игра: магия не являлась естественной частью его организма. Сам того не желая, юный человек рисковал заменить один набор симптомов другим.

Он крадучись пробрался в спальню. Близнецы врывались сюда в любое время дня и ночи и под притворное негодование родителей до умопомрачения барахтались на огромной кровати под балдахином. Сам Артемис никогда такого не устраивал. В его собственном детстве царили порядок и дисциплина.

«Всегда стучи в дверь, прежде чем войти, – наставлял отец. – Тем самым ты проявляешь уважение».

С тех пор папа сильно изменился. Семь лет назад, чудом разминувшись со смертью, он осознал, что в этой жизни действительно важно, и теперь был всегда готов покувыркаться среди одеял и подушек с любимыми чадами.

«А мне уже поздно, – вздохнул про себя Артемис. – Я слишком взрослый для детской возни».

С мамой все обстояло иначе. Она никогда не позволяла себе быть неприветливой с сыном, разве только в то время, когда пропал Фаул-старший и ее постигло помрачение рассудка на фоне депрессии. Магия и возвращение любимого мужа избавили Ангелину Фаул от душевного недуга, и она снова сделалась самой собой. По крайней мере, до последнего времени.

Артемис медленно пересекал комнату. В страхе перед тем, что ему предстояло увидеть, он автоматически перешагивал через вытканные на ковре виноградные лозы.

«Наступил на виноград – до девяти считай подряд».

Детская привычка, старинное поверье, когда-то в шутку поведанное папой. Тем не менее Артемис о нем никогда не забывал и всегда честно отсчитывал положенное число, стоило ему хотя бы кончиком пальца задеть за ветку, вплетенную в общий орнамент.

Окутанная солнечным светом кровать стояла у дальней стены. Слабый ветерок, залетавший в открытое окно, теребил шелковый полог, натягивая его, словно парус пиратского судна.

Материнская рука свесилась вниз. Бледная и тонкая.

Артемиса пронзил ужас. Еще вчера мама чувствовала себя вполне сносно. Слегка хлюпала носом, но в остальном вела себя как обычно. Всегда ласковая и веселая.

– Мама! – выпалил он, увидев ее лицо.

Крик вырвался сам собой, будто от удара под дых.

Невероятно: всего за сутки Ангелина Фаул стала похожа на скелет. Скулы заострились, глаза глубоко запали в темные глазницы.

«Спокойно, – приказал себе Артемис. – Несколько коротких мгновений, и она поправится. Что с ней произошло, я потом разберусь».

Прекрасные вьющиеся волосы Ангелины Фаул теперь напоминали паутину. Хрупкими, ломкими прядями они разметались по подушке. От кожи исходил странный запах.

«Лилии. Приторно-сладкий душок с примесью запаха болезни».

Глаза мамы вдруг распахнулись, круглые от ужаса. Выгнувшись дугой, она пыталась втянуть воздух сквозь отекшую гортань. Скрюченные пальцы бессмысленно цеплялись за пустоту. Затем Ангелина так же резко обмякла, и Артемису на миг показалось, будто она умерла.

Наконец ее веки затрепетали, и она протянула руку к сыну.

– Арти, – прошептала мама еле слышно. – Мне снится очень странный сон.

Даже столь короткая фраза далась ей с невыносимым трудом – перед каждым словом больная судорожно втягивала в себя воздух.

Артемис бережно сомкнул пальцы вокруг материнской кисти. Рука ее оказалась необычайно тонкой. Лишь кожа и кости.

– Или, может быть, я бодрствую и сном была моя другая жизнь…

Слова Ангелины отдались в сердце Фаула-младшего едва ли не физической болью, напомнив ему о тех страданиях, которые матери пришлось перенести.

– Ты не спишь, и я рядом с тобой. У тебя просто легкий жар и небольшое обезвоживание. Ничего страшного.

– Как я могу не спать, Арти, – глаза Ангелины, обведенные черными кругами, смотрели на удивление спокойно, – если чувствую, что умираю. Разве можно бодрствовать, когда умираешь?

Напускная невозмутимость Артемиса испарилась окончательно.

– Это просто… температура, – пробормотал он. – Все кажется немного странным. Ты скоро поправишься. Я обещаю.

Мама закрыла глаза.

– Мой сын всегда выполняет обещания, я знаю. Арти, где ты был все эти годы? Мы так волновались. Почему тебе не семнадцать лет?

Охваченная лихорадкой, Ангелина Фаул разглядела правду сквозь пелену магии. Она снова помнила об исчезновении Артемиса на три года и о возвращении его не повзрослевшим и на день.

– Мне – четырнадцать, мама, уже почти пятнадцать, и я останусь таким на некоторое время. А теперь закрой глаза, а когда ты их откроешь, все будет хорошо.

– Что ты сделал с моими мыслями? Где ты этому научился?

Фаул-младший взмок. Жаркий воздух, пропитанный запахом болезни, усиливал его тревогу.

«Она знает. Мама знает. А вдруг после исцеления она вспомнит вообще все?»

Не важно. С этим можно будет разобраться по ходу дела. Сейчас Артемиса волновало только ее здоровье.

Он мягко сжал хрупкую руку Ангелины, ощутив ладонью, как трутся друг о друга ее высохшие кости. Второй раз в жизни Фаул-младший собирался подвергнуть мать воздействию магии.

Волшебство не входило в число врожденных способностей Артемиса, и каждый раз, прибегая к нему, он страдал от кинжальных приступов головной боли. Фаул-младший по-прежнему оставался человеком, однако теперь на него распространялись определенные правила, касающиеся обладателей магии. Например, прежде чем войти в жилище без приглашения, он всегда принимал таблетки от морской болезни. В полнолуние Артемис нередко запирался в библиотеке и включал музыку на полную громкость, дабы заглушить голоса, переполнявшие изнутри черепную коробку. Вместе с магией ему досталась родовая память бесчисленных поколений волшебного народца, чье присутствие выражалось наплывами беспорядочных эмоций, оканчивавшимися непременной мигренью.

Порой Артемиса терзали сомнения, не совершил ли он роковую ошибку, похитив магию, однако в последнее время симптомы исчезли. Мигрени и тошнота прекратились. Возможно, его мозг приспособился к перегрузкам, вызванным превращением в волшебное существо.

Итак, он мягко сжал хрупкую руку Ангелины, закрыл глаза и избавился от лишних мыслей.

«Магия, только магия».

Магия – дикая сила, плохо поддающаяся обузданию. Позволь себе Артемис перескакивать с одной мысли на другую, магия последовала бы его примеру. В таком случае, открыв глаза, он имел все шансы обнаружить маму по-прежнему одержимой болезнью, но, скажем, с волосами другого цвета.

«Исцеляй, – приказал себе Артемис. – Выздоравливай, мама».

Магия отозвалась на его призыв. Она с гудением устремилась по руке, вызвав легкое покалывание во всем теле. Вокруг запястья возникло кольцо из синих искр, юрких, будто стайки крошечных рыбешек. Они казались живыми.

Артемис сосредоточился на воспоминаниях. Раньше мама была другой. Кожа ее излучала здоровье, глаза сияли от счастья. Он слышал мамин смех, ощущал прикосновение ее рук. Вспоминал силу любви Ангелины Фаул к семье.

«Я хочу, чтобы было так».

Наконец искры уловили желание целителя. Они потекли к больной, проникая сквозь кожу ладони и запястья, опутывая исхудалые руки. Артемис увеличил энергию, и стайки синих огоньков потоком хлынули из его пальцев в тело матери.

«Исцеляй, – думал он. – Выгоняй болезнь».

Артемису уже доводилось применять магию, но на этот раз все обстояло иначе. Он чувствовал сопротивление, словно организм Ангелины не желал исцеляться, отвергая все усилия Фаула-младшего. Искры, пробегая по высохшей коже, мигали и с шипением гасли.

«Еще! – потребовал он. – Больше!»

Артемис напряг все силы. В глазах почернело от головной боли, а горло распирало от подступавшей тошноты. Не обращать внимания!

«Выздоравливай, мама».

Магическая паутина опутала Ангелину, как египетскую мумию, проникла под ее тело, вознесла над постелью на несколько ладоней. Мать дрожала и стонала, пар валил из пор ее кожи в тех местах, где по ней пробегали синие искры.

«Ей больно. – Артемис чуть приоткрыл один глаз. – Она ужасно мучается, но я уже не могу остановиться».

Из самых глубин своего естества он извлекал последние капли волшебной силы.

«Все. Отдай ей все до последней искры».

Магия не принадлежала ему по праву рождения. Он украл ее, а теперь избавлялся от украденного сокровища, отдавая все без остатка ради исцеления родного человека. Тем не менее все его старания оказались тщетны. Более того, болезнь усиливалась. Она не подпускала синие волны, лишала искры живого цвета и отбрасывала к потолку.

«Что-то не так. – Во рту появился явственный привкус желчи. Страшная боль пронзила лоб над левым глазом. – Так не должно быть».

Последняя капля магии покинула его. Артемиса отшвырнуло назад. Он кубарем прокатился по полу и ткнулся в кушетку. Ангелину Фаул сотряс последний спазм, затем тело больной, окутанное странной густой слизью, рухнуло на постель. Синие искры, мигнув последний раз, гасли в толстом, но прозрачном слое этой слизи, испарявшейся так же быстро, как и возникла.

Артемис лежал, обхватив голову руками, не способный ни шевелиться, ни думать, и ждал, когда утихнет кипевший в мозгу хаос. Каждый вздох отдавался в черепе гулким скрежетом. Наконец боль отступила в область воспоминаний, а спутанные слова начали складываться в предложения.

«Магии больше нет. Все. Я стал обычным человеком».

Затем раздался скрип двери. Открыв глаза, Артемис увидел лица отца и Дворецки, в испуге склонившихся над ним.

– Мы услышали грохот. Похоже, ты упал. – Фаул-старший, придерживая сына за локоть, помог ему подняться. – Не стоило отправлять тебя сюда одного. Просто подумалось, вдруг ты сможешь что-нибудь сделать. Я знаю, у тебя есть определенные способности. Надеялся… – Он поправил рубашку Артемиса и похлопал его по плечу. – Очень глупо с моей стороны.

Сбросив отцовскую руку, Фаул-младший еле-еле добрел до ложа матери. Ноги почти не слушались.

Одного взгляда хватило, чтобы подтвердить его наихудшие опасения: попытка исцелить маму при помощи магии успехом не увенчалась. Щеки Ангелины Фаул не порозовели, дыхание не выровнялось.

«Ей стало хуже. Что я натворил!»

– Что же это? – ахнул отец. – Что же с ней творится? Если так пойдет и дальше, меньше чем через неделю моя Ангелина…

– Нельзя сдаваться, джентльмены, – резко перебил его Дворецки. – У нас у всех остались кое-какие связи из прошлой жизни, способные пролить свет на состояние миссис Фаул. В другой ситуации мы бы предпочли не иметь дела с этими личностями, но теперь нам придется найти их и доставить сюда. Такие мелочи, как паспорта и визы, нас волновать не должны.

Артемис-старший закивал, сначала медленно, потом с большим энтузиазмом.

– Да. Да, черт побери! Еще не все потеряно. Моя Ангелина не привыкла сдаваться, правда, любимая?

Он взял жену за руку, нежно, словно ее тонкие пальцы изваяли из тончайшего хрусталя. Больная не отреагировала ни на его голос, ни на прикосновение.

– По поводу фантомных болей в моей ноге мы обращались почти ко всем мастерам нетрадиционной медицины в Европе. Может, кто-то из них сумеет нам

помочь.

– А я знаю одного человека в Китае, – подхватил Дворецки. – Он работал с мадам Ко в Академии. Просто кудесник, когда дело касается лечебных трав. Жил в горах. Никогда не выезжал за пределы провинции, но для меня сделает все.

– Отлично, – произнес Фаул-старший. – Чем больше вариантов, тем лучше. – Он повернулся к сыну. – Послушай, Арти, может, и ты найдешь, кого подключить? Кого угодно. Хотя бы даже знакомых из какой-нибудь подпольной организации.

Рассеянно потеребив перстень, который с некоторых пор всегда носил на среднем пальце, Артемис сжал кулак. Довольно аляповатое ювелирное изделие, словно невзначай развернутое в противоположную сторону, прижалось камнем к ладони. На самом деле под видом дорогой безделушки Фаул-младший носил при себе портативное средство связи с волшебным народцем.

– Да, – вздохнул он. – У меня имеются кое-какие выходы на подполье.

Глава 2

Самый большой в мире

Бухта Хельсинки, Балтийское море

Огромное морское чудовище, кракен, простерло к поверхности океана ребристые щупальца. Вслед за ними подтянулось и обрюзгшее тело. Единственный глаз бешено вращался в глазнице, а широко распахнутый изогнутый клюв размером с нос шхуны гнал потоки воды к пульсирующим жабрам.

Кракен был голоден, и за все время пути из глубины наверх, к туристическому парому, в его крошечном мозгу нашлось место только для одной мысли: «Убить… убить… УБИТЬ…»

– Чушь троллячья, – фыркнула капитан Подземной полиции Элфи Малой, отключив в шлеме трансляцию аудиофайла. – Во-первых, у кракена нет никаких щупальцев, а что касается «убить-убить-убить»…

– Знаю, – раздался в наушниках голос Жеребкинса, через коммуникатор руководившего выполнением задания. – Просто мне показалось, что этот отрывок тебя позабавит. Не забыла еще, как смеяться?

Элфи смеяться вовсе не собиралась.

– Это так типично для людей. Взять что-нибудь абсолютно естественное и придать ему демонический облик. Кракены – воплощение спокойствия, а люди превратили их в каких-то кровожадных гигантских кальмаров. «Убить-убить-убить»! Лучше избавь меня от этого.

– Перестань, Элфи. Обычное бульварное чтиво. Сама знаешь, как вершки умеют фантазировать. Успокойся.

Жеребкинс прав. Если переживать всякий раз, когда люди изображают какое-либо из мифических существ в неверном свете, придется полжизни пребывать вне себя. За многие столетия волшебный народец изредка попадался на глаза вершкам, и те всегда искажали истину до неузнаваемости.

«Хватит об этом. Есть ведь и приличные люди. Вспомни Артемиса и Дворецки».

– А ты видел человеческие фильмы о кентаврах? – поддела она собеседника по ту сторону коммуникатора. – Они там такие благородные и лихие. Как гаркнут: «Мой меч к вашим услугам, ваше величество!» – и тут же галопом скачут драться. Подтянутые кентавры – вот это действительно смешно!

В нескольких тысячах миль от нее, под Ирландией, в недрах земной мантии технический консультант Подземной полиции погладил себя по животу.

– Элфи, ты меня обижаешь. А Кобыллине мое пузико нравится.

Пока Элфи с Артемисом спасали демонов на Гибрасе, Жеребкинс успел жениться. «Надел хомут», как это называли сами кентавры. Многое изменилось за прошедшие три года, и порой капитану Малой приходилось нелегко. Жеребкинс все свободное время проводил с новоиспеченной супругой, а старого друга Элфи, Трубу Келпа назначили командующим Подземной полицией. Сама же она вернулась в разведку и теперь служила в оперативной группе Кракенского Дозора.

– Прости, дружище, – вздохнула капитан Малой. – Свинство с моей стороны так шутить. Мне тоже нравится твое пузико. Жаль, я не видела его перетянутым свадебным шарфом.

– Ничего. В следующий раз.

Эльфийка улыбнулась:

– Обязательно.

Согласно древней традиции, кентавры могли иметь несколько жен, но Кобыллина придерживалась современных взглядов. Элфи глубоко сомневалась в том, что супруга Жеребкинса потерпит присутствие еще одной дамы в стойле.

– Не волнуйся, я пошутил.

– Надеюсь, потому что на этих выходных мы с Кобыллиной договорились встретиться в оздоровительном центре.

– Как тебе новое снаряжение? – поспешил сменить тему Жеребкинс.

Элфи широко раскинула руки, ловя кончиками пальцев стремительный трепет ветра. Внизу сине-белыми полосами проносилось Балтийское море.

– Замечательно, – ответила она. – Просто чудесно.

Капитан ЛеППРКОНа Элфи Малой лениво описывала широкие круги над Хельсинки, с наслаждением вдыхая врывавшийся в шлем чистый воздух Скандинавии.

Едва пробило пять утра по местному времени, и первые лучи восходящего солнца играли на золоченой луковице Успенского собора. Знаменитый городской рынок уже расчертили вдоль и поперек снопы света автомобильных фар: продавцы спешили занять места за прилавками. Самые ретивые чиновники подъезжали к сине-серому фасаду здания ратуши.

Однако цель Элфи находилась на некотором расстоянии от того места, где вскоре предстояло развернуться оживленной торговле. Капитан Малой шевельнула пальцами, и датчики, размещенные в перчатках, мгновенно преобразовали движения в сигналы управления механическими крыльями за спиной, направив ее вниз по спирали к расположенному в полумиле от порта островку Уунисаари.

– Контактные датчики работают прекрасно, – доложила она. – Воспринимают малейшее движение.

– Ты стала птицей, насколько это возможно без интегрирования, – прокомментировал Жеребкинс.

– Спасибо, как-нибудь обойдусь. – Элфи передернула плечами. Летать она любила, но не настолько, чтобы позволить полицейскому хирургу набить ее мозжечок имплантатами.

– Очень хорошо, капитан Малой. – Жеребкинс перешел на деловой тон. – Последняя проверка. КОП, пожалуйста.

Термин «КОП» в разведке обозначал ряд тестов, предписываемых оперативнику непосредственно перед входом в зону проведения операции. Крылья, Оружие, Пути отступления.

Элфи пробежала глазами по прозрачным мониторам вывода информации, расположенным на забрале шлема.

– Блок питания полностью заряжен. Индикаторы оружия – зеленые. Крылья и костюм полностью функциональны. Красные индикаторы отсутствуют.

– Превосходно, – сказал Жеребкинс. – Проверено, проверено и проверено. Наши показания совпадают.

Элфи услышала, как кентавр защелкал клавишами, вводя данные о предстоящей операции. Все знали о его пристрастии к старомодным клавиатурам, хотя он сам недавно запатентовал исключительно эффективную виртуальную – виратуру.

– Элфи, не забывай, у нас обычное рутинное задание. Просто спустись вниз и проверь состояние датчика. Этим штуковинам почти двести лет, и проблема, скорее всего, заключается в банальном перегреве. Тебе надо только отправиться туда, куда я скажу, и сделать то, что я скажу. Никакой беспорядочной пальбы. Понятно?

Элфи фыркнула:

– Теперь я понимаю, почему Кобыллина в тебя влюбилась. Она не устояла перед твоим обаянием.

Жеребкинс тихо заржал:

– Я больше не встаю на дыбы по любому поводу. Женитьба сделала меня мягче.

– Мягче? Если ты проведешь десять минут в одной комнате с Мульчем и не начнешь бить копытом, я в это, пожалуй, поверю.

Гном Мульч Рытвинг успел побывать Жеребкинсу и Элфи и врагом, и партнером, пока наконец не сделался другом. Самое большое удовольствие в жизни он получал, набивая брюхо, а также доводя своих многочисленных врагов, партнеров и друзей до белого каления.

– Ну, для достижения такой мягкости потребуется несколько лет супружеской жизни. А лучше несколько веков.

Окаймленный белоснежной пеной прибоя остров занимал уже почти весь экран. Как бы Элфи ни хотелось еще покружить в небе и потрепаться со старым другом, настала пора прекратить болтовню и приступить к выполнению задания. А ведь они разговаривали по-настоящему едва ли не впервые после ее возвращения с Гибраса. Жеребкинс продолжал жить своей жизнью, для Элфи же три года отсутствия проскочили в несколько часов. Она совсем не постарела, но все же считала это время украденным у нее. Полицейский психиатр сказал бы, что капитан Малой страдает от депрессии, вызванной смещением внутренних координат из-за перемещения во времени, и выписал бы тонизирующие инъекции. Впрочем, Элфи доверяла уколам счастья ничуть не больше, чем мозговым имплантатам.

– Захожу на цель, – доложила она.

Первую сольную операцию после возвращения с острова демонов следовало выполнить безупречно. Пусть это всего лишь Кракенский Дозор.

– Понял тебя, – ответил Жеребкинс. – Датчик видишь?

На острове располагались четыре биодатчика, передававшие информацию на Полис-Плаза. Три индикатора пульсировали мягким зеленым светом на дисплее забрала. Четвертый горел красным. Тому могли быть разные причины, но в любом случае все показатели существенно превышали норму. Температура, частота сердечных сокращений, мозговая активность – все достигло опасного уровня.

– Вероятно, он действительно неисправен, – хмыкнул Жеребкинс. – Иначе показания остальных датчиков выглядели бы по-другому.

– Вижу его. Отчетливый сигнал.

– Хорошо, включи экран и иди на сближение.

Элфи сильно, до хруста шейных позвонков, крутанула головой влево, вводя себя в магическое состояние. На самом деле необходимость в подобном движении отсутствовала, поскольку магия являлась по большей части функцией мозга, но у всех подземных жителей имелись собственные приемы ее активации. Через мгновение эльфийка ощутила, как тело, наливаясь волшебной силой, начинает

вибрировать так быстро, что глаза не в состоянии его увидеть. Костюм определил частоту вибрации и усилил ее настолько, что для закрепления эффекта хватило одной-единственной искорки магии.

– Я невидима и приближаюсь к цели, – доложила она.

– Понял, – ответил кентавр. – Элфи, будь осторожна. Запись будет просматривать сам майор Келп, поэтому постарайся не нарушать правила.

– Хочешь сказать, что иногда я позволяю себе отступать от буквы устава? – Судя по тону капитана Малой, одно лишь упоминание о подобной возможности приводило ее в ужас.

Жеребкинс хихикнул:

– Ну, скорее всего, у тебя и самого-то устава нет. А если и есть, то ты вряд ли когда-нибудь открывала его.

«Угадал», – подумала Элфи и устремилась к поверхности Уунисаари.

Самыми крупными млекопитающими на Земле принято считать китов. Но это неверно. Кракен может достигать пяти миль в длину и играет важную роль в скандинавских легендах начиная с тринадцатого века, когда в саге об Орваре-Одде впервые упоминается вызывающий ужас лингбакр. Ранние описания кракена являются наиболее точными: морское животное размером с небольшой остров, причем опасность для кораблей представляет не само существо, а водоворот, возникающий при стремительном погружении кракена в океан. Но к Средним векам легенда о кракене смешалась с легендой о гигантском кальмаре, причем каждому существу приписывали самые ужасные черты другого. Кальмара изображали огромным, как гора, у мирного кракена отросли щупальца и развилась кровожадность, достойная самой прожорливой акулы.

Сложно нарисовать картину, более далекую от истины. Кракен – безобидное создание, главными средствами защиты для него являются размеры и прочная броня. Газовая и жировая прослойки окружают мозг размером с небольшую дыню – его вполне достаточно, чтобы животное осознавало необходимость

кормиться, ну и когда-нибудь сбросить панцирь. Под коркой скал, водорослей и кораллов кракен более всего напоминает обычный морской желудь, правда, в его скорлупе легко поместится олимпийский стадион или даже два.

Благодаря невероятно медленному обмену веществ и огромной сети вспомогательных систем, окружающих уязвимые центры, срок жизни кракена составляет несколько тысяч лет. Селиться эти существа предпочитают в богатой кормом или магией местности и остаются на месте, пока не иссякнет то или другое. Расположение в центре архипелага, желательно рядом с человеческим портом, обеспечивает им не только хорошую маскировку, но и богатый источник корма. Именно поэтому кракенов чаще всего можно обнаружить в подобных местах: присосавшись, подобно гигантским моллюскам, ко дну, они фильтруют жабрами городские отходы и перерабатывают их в метан в огромных желудках. Впрочем, городские отходы являются не только спасением, но и проклятием кракенов, ибо чрезвычайно высокое содержание токсинов в рационе лишает гигантов способности к размножению, и в настоящее время в океане осталось не более полудюжины этих древних существ.

Кракен, к которому направлялась Элфи, считался патриархом. Судя по отметинам на панцире, старику Ракушке, как любовно называл его малочисленный Кракенский Дозор, перевалило за десять тысяч лет, а начиная с шестнадцатого века он выдавал себя за островок в бухте Хельсинки, правда, город тогда назывался Гельсингфорсом.

Все это время Ракушка в основном ел, спал и не испытывал ни малейшего стремления к миграции. Любая потребность к перемещению, если таковая и возникала, притуплялась сточными водами лакокрасочного завода, выстроенного у него на спине около ста лет назад. По всем параметрам кракен пребывал в состоянии кататонии, и за последние пятьдесят лет были зарегистрированы всего два крупных выброса метана. Короче, наиболее вероятной причиной красного цвета индикатора следовало считать обычное замыкание старых проводов, разомкнуть которые Элфи, скорее всего, и предстояло. Стандартное задание после возвращения на службу. Никакой опасности, никакой срочности и крайне низкая вероятность обнаружения.

Капитан Малой, выставив ладони против ветра, снижалась до тех пор, пока подошвы ее ботинок не коснулись крыши небольшого ресторана. На самом деле Уунисаари – это не один, а два острова, соединенных небольшим мостом. Один настоящий, а второй – присосавшийся к скале Ракушка. Элфи быстро произвела

тепловое сканирование и не обнаружила ничего, кроме нескольких грызунов и сауны, наверняка работавшей в режиме автоматического прогрева.

Капитан взглянула на дисплей, дабы определить точное местонахождение датчика. Как оказалось, тот находился на глубине четырех метров, чуть ниже каменистого выступа.

«Под водой. Естественно».

Спланировав к морской поверхности, она сложила крылья и ногами вперед вошла в балтийские волны, одновременно слегка изогнув корпус, дабы всплеск получился как можно менее шумным. Впрочем, прислушиваться все равно было некому. Сауна и ресторан открывались лишь в восемь утра, а ближайшие рыбаки покачивали удилищами, будто пустыми флагштоками, на материковом берегу.

Элфи продула шлем, уменьшая плавучесть, и нырнула. Согласно показаниям дисплея, температура воды не превышала десяти градусов, но защитный костюм надежно защищал эльфийку от переохлаждения и даже компенсировал небольшое повышение давления.

– Используй криммеры, – раздался кристально чистый голос Жеребкинса в вибрационных блоках над ее ушами.

– Прочь из моей головы, кентавр.

– Повторяю, используй криммеры.

– Мне не нужны маркеры. Датчик прямо передо мной.

Жеребкинс вздохнул:

– Значит, они умрут, так и не выполнив свою задачу.

Кодированные радиационные маркеры представляли собой микроорганизмы, обработанные излучением той же частоты, что и искомый объект. При точном указании параметров в мастерской Жеребкинса они безошибочно вели прямо к цели. Правда, всего в двух шагах от попискивавшего на дисплее датчика

необходимость их применения выглядела некоторым излишеством.

– Ладно, – простонала Элфи. – Просто не люблю, когда из меня делают подопытное животное.

Она открыла водонепроницаемый клапан на перчатке и выпустила в воду облачко светящихся оранжевых существ. На мгновение они собрались вместе, затем устремились к датчику.

– Плавают, летают, роют землю, – выдохнул изумленный собственным достижением Жеребкинс. – Да хранят небеса их крошечные души.

Криммеры оставили за собой светящийся оранжевый след, по которому и поплыла Элфи. Обогнув острый каменистый выступ, она обнаружила сам датчик. Светящиеся микроорганизмы суетливо очищали его от растений.

– Ну, ведь удобно же? Скажешь, они не помогают оперативнику в его нелегком труде?

Они, конечно, помогали, учитывая, что воздуха у Элфи осталось всего на десять минут, но Жеребкинс и так слишком важничал.

– Лучше бы выдал мне шлем с жабрами, раз уж знал, что датчик находится под водой.

– Воздуха достаточно, – возразил кентавр. – Тем более криммеры расчищают для тебя рабочее место.

Микроорганизмы поглощали водоросли и растворяли мелкие камни, пока наконец датчик не засверкал, словно в тот день, когда сошел с конвейера. Закончив работу, крошечные существа, мигнув напоследок, умирали и с легким шипением таяли в воде. Элфи включила фонари на шлеме, направив оба луча на прибор, изготовленный из прочного сплава. Размерами и формой он более всего походил на банан, покрытый электролитическим гелем.

– Благодаря Ракушке вода достаточно прозрачная. Я получаю изображение вполне приличного качества.

Элфи, повысив плавучесть защитного костюма до нейтральной, замерла в воде, насколько это было возможно.

– Ну, что ты видишь?

– То же, что и ты, – ответил кентавр. – Датчик с мигающим красным индикатором. Если дотронешься до экрана, я сниму некоторые показания.

Элфи коснулась ладонью гелевого слоя, и многоцелевой датчик в перчатке синхронизировался со старинным прибором.

– Жеребкинс, не забывай, осталось девять с половиной минут.

– Я тебя умоляю, – с усмешкой произнес кентавр. – За девять с половиной минут я успею откалибровать целую флотилию спутников.

Да уж, с него станется… Капитану Малой осталось лишь дождаться, пока ее шлем завершит системную проверку датчика.

– Ммм, – произнес через тридцать секунд Жеребкинс.

– Ммм?! – с некоторым беспокойством переспросила Элфи. – Не мычи, кентавр. Порази меня научными терминами, только не мычи.

– Судя по всему, датчик в полном порядке. Находится в поразительно исправном состоянии. А это значит…

– Что неисправны три других датчика, – сделала вывод Элфи. – Где твоя хваленая гениальность?

– Не я их придумывал, – обиженным тоном произнес Жеребкинс. – Это работа Опал Кобой.

Элфи вздрогнула всем телом. В свое время ее заклятый враг – пикси по имени Опал Кобой прославилась как один из самых одаренных изобретателей волшебного народца. Правда, затем она предпочла заняться противозаконной деятельностью, вознамерившись стать владычицей всего мира. Сейчас пикси

находилась в специально сконструированной одиночной камере, исполненной в виде куба, подвешенного в Атлантиде, и занималась тем, что бомбардировала политиков письмами, умоляя о досрочном освобождении.

– Прости, дружище, что я позволила себе усомниться в твоих исключительных способностях. Полагаю, необходимо проверить остальные датчики. Надеюсь, они расположены над уровнем моря.

– Ммм, – снова отозвался Жеребкинс.

– Прошу тебя, перестань. Должна же я проверить оставшиеся датчики, раз уж оказалась здесь.

Последовала пауза – Жеребкинс запрашивал доступ к другим файлам. Наконец он заговорил отрывистыми фразами, одновременно просматривая полученную информацию.

– Оставшиеся датчики… в данный момент… не являются неотложной проблемой. Надо выяснить, почему поступает аварийный сигнал… именно от этого датчика. Сейчас посмотрю… возникала ли когда-нибудь подобная ситуация.

Элфи оставалось лишь поддерживать контакт с прибором, чуть подгребая ногами и не спуская глаз с показаний счетчика воздуха на дисплее.

– Так, – подал голос Жеребкинс. – Есть только две причины для подачи кракеном аварийного сигнала. Первая: у Ракушки должен родиться детеныш, что совершенно невозможно, ибо он – бесплодный самец.

– Остается вторая, – подытожила Элфи, заранее уверенная, что эта вторая причина ей не понравится.

– И вторая… он сбрасывает панцирь.

Капитан Малой с облегчением закатила глаза:

– Сбрасывает панцирь. Это звучит не слишком страшно.

– Ну-у, на самом деле все немного страшнее, чем звучит.

– Что значит «немного»?

– Почему бы не обсудить данный вопрос, когда ты уже улетишь оттуда? И чем скорее, тем лучше.

Элфи не требовалось повторять дважды. Если Жеребкинс рекомендует офицеру сматываться перед тем, как прочесть одну из своих обожаемых лекций, значит положение действительно серьезное. Она широко раскинула руки. Крылья за спиной тут же повторили ее движение.

– Контакт, – произнесла эльфийка, выбросив ладони вверх.

Мгновенно сработавшие двигатели, вспенив воду, вознесли ее над поверхностью Балтийского моря. Костюм высох почти сразу, поскольку влага скатывалась с водоотталкивающего материала, а последние капли и вовсе сдуло. Подгоняемая беспокойством в голосе Жеребкинса, она за несколько секунд поднялась на сотню метров.

– Кракен сбрасывает панцирь лишь единожды. Согласно имеющимся данным, Ракушка менял его порядка трех тысяч лет тому назад, и мы решили, что на этом все закончилось.

– Тогда в чем дело?

– Судя по всему, он прожил достаточно долго, чтобы повторить процедуру.

– И почему нас это так волнует?

– Нас это так волнует потому, что кракен сбрасывает панцирь посредством взрыва. Новый панцирь уже образовался, и Ракушка избавится от старого, взорвав слой насыщенных метаном клеток под ним.

– Ты хочешь сказать, Ракушка громко пукнет? – уточнила Элфи, дабы убедиться, что правильно поняла услышанное.

– Громко – не то слово. Он накопил столько метана, что Гавани бы на год хватило. Такого пука не случалось со времен последнего племенного собрания гномов.

На дисплее появилась компьютерная модель взрыва. Для большинства подземных жителей изображение выглядело бы размытым пятном, но офицерам Подземной полиции пришлось выработать умение одновременно отчетливо видеть дисплей и место, к которому они направляются.

Когда, судя по картинке, Элфи оказалась далеко за пределами предполагаемой зоны распространения ударной волны, она опустила ноги и, набрав высоту по широкой дуге, развернулась лицом к кракену.

– Мы ничего не можем сделать?

– Ну разве что пару снимков. Слишком поздно. Осталось всего несколько минут. Внутренний панцирь Ракушки уже нагрелся до температуры горения, поэтому советую опустить светозащитный фильтр и насладиться представлением.

Элфи опустила фильтр.

– Эта новость разнесется по всему миру. Острова просто так не взрываются.

– Взрываются. Сейсмическая активность, утечки газа, химические аварии. Поверь мне, если вершки чему и научились, так это объяснять, почему произошел взрыв. Американцы придумали «Зону Пятьдесят один»[3 - «Зона 51» – неофициальное название военного полигона в США, где якобы в строжайшей тайне хранилось то, что осталось после крушения НЛО.] только потому, что сенатор воткнулся в гору на реактивном самолете.

– Материку опасность не угрожает?

– Скорее всего, нет. Разве что мелкие осколки долетят.

Элфи расслабилась, предоставив крыльям поддерживать тело в воздухе. Она не могла и не должна была ничего делать. Разворачивался вполне естественный процесс, и кракен, в конце концов, имел полное право сменить панцирь.

«Взрыв метана. Мульч бы скакал от восторга».

С недавних пор Мульч Рытвинг, на пару с пикси Штукой Фартом, заправлял частным детективным агентством в Гавани. В свое время гном и сам неплохо повеселился с метаном.

В одном из окон теплового сканирования едва заметно запульсировало красное пятно. На острове присутствовали живые существа, не грызуны и не насекомые. Несколько человек.

– Жеребкинс, там кто-то есть.

Несколько раз моргнув, Элфи изменила формат окна, пытаясь определить источник сигнала. Внутри сауны она различила четыре горячих тела.

– Жеребкинс, сауна! Как мы их не заметили?

– Их тела по температуре не отличались от кирпичных стен, – ответил кентавр. – А сейчас, полагаю, один из вершков открыл дверь.

Элфи включила шестикратное увеличение и сразу же заметила, что дверь в сауну приоткрыта и сквозь щель на улицу клубами валит пар. Здание остывало быстрее человеческих тел, и теперь они отчетливо отображались на дисплее сканера.

– Что делают здесь эти вершки? Ты говорил, что все закрыто до восьми часов.

– Не знаю, Элфи, и знать не могу. Это же люди. Они непредсказуемы, как демоны в полнолуние.

Не имело смысла выяснять, почему люди оказались здесь, да это и не играло особой роли. Времени оставалось в обрез.

– Жеребкинс, я возвращаюсь.

Кентавр направил камеру на себя, передавая в шлем капитана Малой свое изображение в режиме реального времени.

– Элфи, внимательно посмотри на меня. Какое у меня лицо? Правильно, суровое. Не делай этого. Не возвращайся на остров. Люди гибнут каждый день, и мы не вмешиваемся. ЛеППРКОН никогда не вмешивается.

– Я знаю правила. – Элфи отключила звук.

«Ну вот, снова конец моей карьере», – печально подумала она, настраивая крылья на крутое пике.

В предбаннике сидели четверо весьма довольных мужчин. Еще бы – им снова удалось перехитрить островное начальство и насладиться бесплатной сауной до начала рабочего дня. Один из них, служивший на Уунисаари охранником, имел доступ к ключам и небольшой плоскодонке с пятисильным мотором. На ней-то он и переправил на остров своих друзей, а также ящик пива «Карелия».

– Славно нынче протопили, – заметил один.

Другой протер запотевшие очки:

– А по мне, так жарковато. Даже ногам горячо.

– Прыгни в Балтику, – посоветовал охранник, обиженный тем, что приятель не оценил его старания. – Охлади свои бедные пальчики.

– Плюнь ты на него, – произнес четвертый, застегивая ремешок часов на руке. – У него слишком чувствительные ступни. Вечно ему то жарко, то холодно.

Мужчины, друзья детства, смеялись и потягивали пиво. Однако смех и возлияния резко прекратились, когда часть крыши, озарившись странной вспышкой, прекратила свое существование.

Охранник поперхнулся пивом:

– Кто курил?! Я же сказал, не курить!

Даже отзовись ему кто-нибудь из оторопевших любителей утренней сауны, он бы его все равно не услышал, поскольку каким-то непостижимым образом устремился из дома прямо в новообразовавшуюся дыру.

– Пяткам вот совсем жарко, – пробормотал очкарик, словно в надежде на то, что новая тема для разговора развеется сама собой, если он продолжит упрямо цепляться за старую.

Остальные ничего не сказали. Они предавались обычному занятию, свойственному мужчинам, оказавшимся перед лицом опасности, – лихорадочно натягивали штаны.

Знакомиться или входить через дверь не было времени. Элфи, достав из кобуры «Нейтрино», вырезала в крыше двухметровую дыру и увидела четверых вершков. Бледных и перепуганных.

«Я бы тоже дрожала. А ведь все только начинается».

Проблему, как удалить четырех человек из зоны поражения за четыре же минуты, она решала уже в полете.

Кстати, сравнительно недавно у нее бы возникла и вторая проблема, грозящая поставить под угрозу саму идею спасти людей. Согласно Книге волшебного народца, эльфийка не могла войти в жилище человека без приглашения. Наложенное десять тысяч лет назад заклятие по-прежнему действовало, вызывая у нарушителя тошноту или лишая его сил. Подобный закон давно сделался анахронизмом и серьезно мешал работе Полиции Нижних Уровней, поэтому после серии публичных обсуждений и референдума заклятие было снято Номером Первым. Чтобы решить проблему, над которой эльфийские колдуны бились на протяжении многих веков, маленькому демону понадобилось всего пять минут.

Впрочем, пора вернуться к главной проблеме. Четверо крупных вершков. И вот-вот грянет мощный взрыв.

Выбрать первого оказалось просто. Здоровенный дядька, чьи одеяния составляло полотенце и крошечная фуражка охранника, сидевшая на нем подобно скорлупке ореха на голове у медведя, загораживал остальных.

Элфи поморщилась.

«Нужно убрать его с глаз долой как можно быстрее, иначе сия картина останется у меня в памяти навсегда. У этого вершка мускулов больше, чем у тролля».

Тролль! Ну конечно!

Пока Элфи пребывала на Гибрасе, снаряжение офицера разведки пополнилось некоторыми устройствами, изобретенными и запатентованными, естественно, Жеребкинсом. В частности, появились обоймы с дротиками для «Нейтрино». Кентавр называл дротики антигравами, а офицеры – просто «поплавками».

«Поплавки» действовали по принципу, схожему с ранее изобретенным Жеребкинсом «Лунным поясом». Устройство обладало способностью снижать гравитацию вокруг объекта, к которому его крепили, до одной пятой нормального значения. Изначально пояс использовался при транспортировке тяжелого оборудования, затем боевые офицеры приспособили его для собственных нужд. Например, к нему посредством карабина цепляли связанных пленников, что значительно облегчало перемещение последних.

В отличие от «Лунного пояса», дротик для передачи заряда использовал плоть самого беглеца, в результате делая того практически невесомым. Даже тролль выглядит не таким уж грозным, если покачивается на ветру, словно надувная игрушка.

Элфи отстегнула от пояса магазин и резким ударом ладони вогнала в «Нейтрино».

«Дротики, – скривилась она. – Назад в каменный век».

Огромный охранник с прыгающими от ужаса губами находился точно на линии огня.

«Даже лазерный прицел не нужен. С такого расстояния промахнуться невозможно».

Эльфийка и не промахнулась. Крошечный снаряд вошел в плечо здоровенного вершка, успевшего лишь вздрогнуть, прежде чем вокруг него образовалось антигравитационное поле.

– О-о! – Он поперхнулся пивом. – Кто…

В следующий момент Элфи приземлилась рядом с ним, схватила за бледную ногу и изо всех сил швырнула вверх. Стремительный, как выпускающий воздух шарик, громадный дядька взмыл к дыре в крыше, и его полные изумления вопли еще долго сотрясали утреннее небо.

Остальные вершки торопливо пихали ноги в штанины. Двое споткнулись, стукнулись лбами и рухнули на пол. Тарелки с булочками, кетчупом и моцареллой посыпались с опрокинутого столика, а пивные бутылки с грохотом покатились по керамическим плиткам.

– Мои бутерброды! – воскликнул один из людей, путаясь в лиловых джинсах.

«Некогда паниковать!» Элфи пригнулась, продолжая оставаться невидимой и неслышимой. Уклоняясь от беспорядочно мельтешащих бледных конечностей, она выпустила еще три дротика.

В сауне воцарилась странная тишина. Трое взрослых мужчин один за другим с ужасом ощутили, как какая-то неведомая сила вознесла их над полом.

– Мои пятки… – неуверенно произнес очкарик.

– Да заткнись ты со своими пятками! – заорал любитель бутербродов и попытался двинуть его кулаком.

Удар не достиг цели, а привел лишь к тому, что человек перекувырнулся в воздухе и запрыгал от стены к стене, как шарик в пинболе.

Тем временем Жеребкинсу удалось отключить блокировку звукового сигнала.

– Д’Арвит, Элфи! У тебя осталось всего несколько секунд. Секунд! Немедленно улетай! Даже броня твоего костюма не выдержит взрыва такой мощности.

Лицо эльфийки покраснело и покрылось потом, хотя климат-контроль в шлеме работал в полную силу.

«Осталось всего несколько секунд. Сколько раз я слышала эту фразу?»

К черту приличия. Она упала на спину, настроила «Нейтрино» на ударный луч и выпустила рассеянный заряд перпендикулярно вверх.

Невидимая волна подхватила вершков, как бурная река подхватывает пузырьки воздуха. Отскакивая от стен и друг от друга, они вылетели сквозь круглую дыру в крыше, все еще обрамленную по краям сияющими искрами.

Последний из покинувших баню взглянул вниз и рассеянно удивился, почему это он не вопит от страха. Полет такого рода, несомненно, мог послужить достаточным основанием для истерики.

«Вероятно, испуг придет потом, – решил мужчина. – Если у меня будет это „потом“».

Тут ему привиделось окутанное клубами пара существо, имевшее некоторое сходство с человеком. Миниатюрная крылатая фигурка распласталась на полу, затем вскочила на ноги и устремилась к болтавшимся в воздухе любителям прогреть косточки.

«Значит, это правда, – подумал он. – Совсем как во „Властелине колец“. Фэнтези не врет! Все правда!»

Но тут взорвался остров, и вопрос о фэнтези перестал волновать мужчину. Гораздо большее беспокойство у него теперь вызывали загоревшиеся штаны.

Подняв всех четверых вершков в воздух, Элфи сочла возможным и самой убраться подальше от мнимого клочка суши. Подпрыгнув из глубокого приседа, она одновременно включила крылья и понеслась навстречу утреннему небу.

– Ловко, – заметил Жеребкинс. – Ты в курсе, что этот трюк в твою честь прозвали «малолётом»?

Капитан Малой, направив оружие на потерявших вес людей, короткими импульсами отогнала их подальше от кракена.

– Жеребкинс, не время болтать. Если ты заметил, я пытаюсь остаться в живых.

– Прости, друг. Я волнуюсь, а когда я волнуюсь, то много болтаю. Кобыллина говорит, это защитная реакция. Кстати, о «малолёте». Точно так же ты взлетела во время перестрелки на крыше в Дармштадте. Майор, я хотел сказать, командующий Келп, снял этот эпизод на видео. Теперь ту запись используют в Академии. Ты не представляешь, сколько кадетов сломали себе лодыжки, пытаясь повторить твой трюк.

Элфи как раз собралась вежливо, но твердо попросить старого друга заткнуться, но тут Ракушка подпалил наполненные метаном камеры. Тонны обломков его старого панциря с диким грохотом устремились вверх. Взрывная волна великанским пинком поддела Элфи снизу, и капитан закувыркалась в воздухе. Она всем телом ощутила, как прогнулся, поглощая силу удара, костюм. Крошечные чешуйки сомкнулись подобно щитам воинов демонского батальона. С шипением надулись мешки безопасности, защитившие от повреждений головной и спинной мозг. Экраны в шлеме померкли, изображение заметалось, но практически сразу все вернулось назад.

Мир по ту сторону забрала превратился в череду размытых серых и синих пятен. Искусственный горизонт перед глазами несколько раз перевернулся, хотя Элфи, конечно, прекрасно понимала, что кувыркается она сама, а не дисплей.

«Жива. Пока жива. Но рано или поздно везение прекратится».

Ее грустные мысли прервал Жеребкинс.

– …Частота пульса повысилась, уж не знаю почему. Мне казалось, ты уже привыкла к подобным ситуациям. Вероятно, тебе будет приятно услышать, что все четверо вершков уцелели, ведь ради них ты рисковала собственной жизнью и моей техникой. Ты хоть представляешь, что произойдет, если один из моих поплавков попадет к людям?

С помощью сложной комбинации жестов и морганий Элфи активировала двигатели крыльев. Из двенадцати уцелели лишь несколько…

Выровняв полет, она подняла забрало.

– Огромное тебе спасибо за беспокойство, я в полном порядке. – Капитан Малой откашлялась и сплюнула. – Да, если кто-то забыл, все оборудование Подземной полиции оснащено функцией дистанционного уничтожения. Даже я! Поэтому твои драгоценные поплавки могут попасть людям лишь в одном случае – если подведет твоя хваленая техника.

– О, кстати, да, – засуетился Жеребкинс, – надо избавиться от этих дротиков.

Внизу царил ад кромешный. Едва ли не половина населения Хельсинки, набившись во всевозможные суда, направлялась к месту взрыва. Внушительную флотилию возглавлял катер береговой охраны с задранным носом и двумя мощными подвесными моторами, оставлявшими за кормой пенный след. Самого кракена окутало плотное облако дыма и пара, а остатки панциря сыпались с неба, обугленные и измельченные до состояния вулканического пепла, покрывая палубы судов и поверхность Балтийского моря черной пеленой.

В двадцати метрах от Элфи четверо мужчин весело раскачивались в почти утративших силу невидимых волнах, порожденных взрывом. Обрывки штанов свисали с их поясниц экзотическими туземными одеяниями.

– Удивительно. – Капитан Малой увеличила на щитке изображение спасенных вершков. – Они не обмочились. Даже не закричали.

– Капля успокоительного в дротиках, – хихикнув, объяснил Жеребкинс. – Ну, не совсем капля. Достаточно, чтобы тролль не узнал даже собственную маму.

– Собственных мам тролли иногда съедают, – напомнила Элфи.

– Вот именно.

Жеребкинс дождался, пока вершки окажутся в трех метрах над поверхностью моря, и активировал режим дистанционного уничтожения для каждого дротика. За четырьмя едва слышными хлопками последовали четыре громких всплеска. Любители бани успели провести в воде всего несколько секунд, когда к ним подоспел катер береговой охраны.

– Прекрасно, – с явным облегчением произнес кентавр. – Потенциальная катастрофа предотвращена, и на сегодня добрых дел достаточно. Теперь давай шевели крыльями и возвращайся к терминалу. Уверен, командующему Келпу не терпится услышать подробный отчет.

– Одну секунду, у меня тут сообщение.

– Сообщение? Сообщение?! По-твоему, сейчас самое подходящее время для переписки? Запасы энергии почти на нуле, задние панели твоего костюма серьезно повреждены. Тебе нужно немедленно улетать, пока защитный экран совсем не отключился.

– Жеребкинс, я должна прочесть это письмо. Это очень важно.

Вызов пришел от Артемиса. Когда-то они с Элфи договорились использовать цветовой код. Зеленый цвет – для обычных сообщений, синий – для деловых и красный – для неотложных. Сейчас на мониторе шлема настойчиво пульсировал ярко-красный огонек. Мигнув, она открыла короткое послание.

«Мама умирает, – прочла Элфи. – Прилетай немедленно. Захвати Номера Первого».

Капитан Малой похолодела от ужаса, мир качнулся перед ее глазами.

«Мама умирает… Захвати Номера Первого».

Вероятно, положение и впрямь отчаянное, если Артемис просит захватить самого могущественного колдуна.

Эльфийка мысленно перенеслась на восемнадцать лет назад, в тот день, когда умерла ее мать. Минули почти два десятилетия, а боль утраты ничуть не притупилась. Ей в голову пришла странная мысль: «Не восемнадцать лет, а двадцать один год. Три года меня не было в этом мире».

Коралл Малой служила врачом в морском отделе Подземной полиции, занимавшемся патрулированием Атлантического океана. В их обязанности входило наводить порядок за людьми и охранять исчезающие биологические виды. Однажды особо гнусного вида танкер, за которым они следовали, случайно вылил на их подлодку радиоактивные отходы. «Грязная» радиация смертельно опасна для подземных жителей, и спустя неделю мама умирала в клинике Гавани.

«Они ответят за это, – поклялась Элфи, рыдая у ее койки. – Я выслежу вершков, сделавших это. Всех до последнего».

«Нет, – сказала тогда Коралл Малой не терпящим возражений тоном. – Я посвятила всю свою жизнь спасению живых существ. Ты должна поступить так же. Разрушение не станет моим наследством».

Это были практически ее последние слова. Через три дня Элфи, с каменным лицом, в застегнутой до подбородка зеленой форме, присутствовала на церемонии переработки останков. На ремне в специальном чехольчике висела универсальная отмычка, подаренная ей мамой при вручении диплома.

«Спасение живых существ». В тот день она и решила служить в разведке.

Теперь умирала мать Артемиса. Элфи вдруг поняла, что больше не думает о нем как о человеке. Он давно стал просто ее другом.

– Мне надо в Ирландию.

Жеребкинс не стал возражать. Он и сам втихомолку успел ознакомиться с чрезвычайным сообщением.

– Хорошо. Я тебя прикрою. Скажу, что тебе пора совершить Ритуал. Сегодня как раз полнолуние, а у нас еще сохранилось несколько волшебных мест рядом с Дублином. Пошлю сообщение в Восьмой отдел. Может, Кван согласится на несколько часов отпустить Номера Первого из магической лаборатории.

– Спасибо, дружище.

– Не стоит благодарности. Лети. На время я оставлю тебя в покое и послушаю, о чем тут болтают. Кстати, подкину пару гипотез в человеческие средства массовой информации. Лично мне нравится идея о подземном газовом кармане. И ведь почти правда.

«Почти правда».

Элфи невольно обдумала полученное сообщение с этой точки зрения. Юный ирландец слишком часто манипулировал людьми, говоря «почти правду».

Она заставила себя выбросить из головы подобную мысль. Конечно нет. Даже Артемис Фаул не стал бы лгать в такой ситуации.

Предел допустимого имеется у любого человека.

Или нет?

Глава 3

Отзвуки магии

Артемис-старший собрал военный совет в зале заседаний, изначально предназначенном для пиров. До недавнего времени взмывающие ввысь готические арки закрывал подвесной потолок, но Ангелина Фаул распорядилась

убрать его и восстановить зал в его первозданной двухэтажной красоте.

Артемис, его отец и Дворецки расположились в черных кожаных креслах от Марселя Брюйера вокруг стола со стеклянной столешницей, за которым вполне могли бы уместиться еще человек десять.

«Не так давно здесь сиживали контрабандисты, – подумал Фаул-младший, – не говоря уже о гангстерах, хакерах, торговцах конфиденциальной информацией, фальшивомонетчиках, спекулянтах и ворах-домушниках. Старый семейный бизнес».

Артемис-старший закрыл ноутбук. Он побледнел и осунулся, но взгляд его, как всегда, горел непреклонной решимостью.

– План довольно прост. Мы должны получить заключение не еще одного специалиста, а как можно большего количества специалистов. Дворецки на нашем самолете отправится в Китай. На официальные каналы нет времени, поэтому тебе придется найти взлетно-посадочную полосу, где не пасутся представители миграционных служб.

Телохранитель кивнул.

– Знаю такое место. Туда и обратно – два дня, если все пройдет нормально.

Артемиса-старшего это вполне устроило.

– Отлично. Самолет заправлен и готов к вылету. Я уже позаботился о том, чтобы команда была в полном составе, включая запасного пилота.

– Только вещи соберу.

Артемис мог представить, какие именно вещи намерен взять с собой Дворецки, особенно учитывая тот факт, что на полосе не будет представителей власти.

– А ты, папа?

– Отправлюсь в Англию, – ответил Фаул-старший. – Вертолетом до аэропорта Лондон-Сити, а там лимузин доставит меня на Харли-стрит. Хочу поговорить кое-с кем из тамошних специалистов, и гораздо эффективнее отправиться туда самому, чем собирать их тут. Если кто-нибудь из них прольет пусть самый слабый лучик света на состояние твоей матери, я приволоку их сюда, сколько бы это ни стоило. Если понадобится, куплю их практики.

Артемис кивнул. Стратегически верно. Впрочем, он и не ожидал другого от человека, в течение двух десятилетий успешно руководившего преступной империей, а в последние годы заделавшегося филантропом.

С момента своего возвращения Артемис-старший более не совершил ни одного безнравственного деяния. От текстильной компании, созданной исключительно законным путем, и до собственной доли в «Энергии Земли» – консорциуме исповедовавших сходные убеждения бизнесменов, где выпускали все: от легковых автомобилей, работающих на биотопливе, до геотермальных стержней и панелей солнечных батарей. Даже машины, принадлежавшие его семейству, а также самолет и вертолет он приказал оборудовать новейшими фильтрами, чтобы и здесь внести свой вклад в снижение выброса углекислого газа в атмосферу.

– Я останусь дома, – заявил Артемис, не дожидаясь, пока ему об этом скажут другие. – Буду координировать ваши действия, установлю веб-камеру, чтобы специалисты с Харли-стрит могли видеть маму, присмотрю за доктором Шальке и мисс Бук, а также сам пороюсь в Интернете на предмет возможных методов лечения.

Артемис-старший едва заметно улыбнулся.

– Молодец, сынок. О веб-камере я не подумал.

Дворецки не терпелось отправиться в путь, однако он не смог удержаться от замечания.

– Мне бы не хотелось оставлять молодого мистера Фаула одного. Возможно, он гений, но, кроме того, вечно всюду сует свой нос и просто притягивает неприятности. – Телохранитель подмигнул Артемису. – Не хочу вас обидеть, сэр, но вы способны воскресный пикник превратить в международный инцидент.

Фаул-младший отнесся к обвинению благосклонно.

– Я не обиделся.

– Мне тоже пришла в голову эта мысль. – Отец задумчиво почесал подбородок. – Но что тут поделаешь? Няня согласилась на пару дней забрать близнецов в свой коттедж в Хауте, но Арти должен остаться здесь, и ему придется самому позаботиться о себе.

– Это не составит ни малейшего труда, – заверил Артемис. – Пора уже хоть немного мне доверять.

Фаул-старший наклонился над столом и накрыл ладонь сына своей.

– Только вера друг в друга у нас и осталось. Мы должны верить, что спасение твоей матери возможно. Ты веришь?

Артемис заметил, как приоткрылась створка одного из верхних окон. В зал влетел подгоняемый легким ветерком опавший лист. Затем створка сама собой встала на место.

– У меня нет никаких сомнений. Моя вера крепнет с каждой минутой.

Элфи отключила экран, лишь когда усовершенствованный «Сикорски S-76C» Фаула-старшего оторвался от вертолетной площадки на крыше. Перейдя в видимый спектр, эльфийка положила руку на плечо Артемиса. Тот как раз устанавливал веб-камеру в ногах материнской кровати.

– Мне очень жаль, – едва слышно произнесла Элфи.

– Спасибо, что пришла. Ты быстро добралась.

– Была на поверхности в Финляндии, наблюдала за кракеном.

– А, воспетое Теннисоном чудовище. – Артемис закрыл глаза, припоминая строки знаменитого сонета.

Под громоподобными волнами

Бездонного моря, на дне морском

Спит Кракен, не потревоженный снами,

Древним, как море, сном[4 - А. Теннисон. «Кракен». Перевод К. Бальмонта.].

– Спит? Уже нет. Будет время, посмотри заголовки новостей. Очевидно, произошел взрыв природного газа.

– Полагаю, Жеребкинс в данный момент предается любимому занятию – вводит в заблуждение средства массовой информации.

– Разумеется.

– Кракенов осталось совсем мало, – заметил Артемис. – Семь, по моим сведениям.

– Семь? – удивленно переспросила Элфи. – Мы наблюдаем только за шестью.

– Ах да, точно, шесть. Я перепутал. Новый костюм? – Фаул-младший как-то слишком поспешно сменил тему разговора.

– На три года новей прежнего, – ответила Элфи, взяв на заметку оговорку про кракена. Как-нибудь на досуге над этим следовало поразмыслить. – Автоматическая броня. Если датчики обнаруживают значительную угрозу, весь костюм изгибается и смягчает удар. Сегодня он практически спас мне жизнь.

На внутренней стороне забрала возникла иконка сообщения, и Элфи прочла короткий текст.

– Номер Первый уже в пути. За ним послали шаттл Восьмого отдела. Нет смысла держать все происходящее в тайне, действовать надо быстро.

– Хорошо. Буду признателен за любую помощь.

Разговор не клеился, так как все их мысли занимала странная болезнь Ангелины Фаул. Женщина лежала мертвенно-бледная, в комнате подозрительно сильно пахло лилиями.

Артемис выронил веб-камеру, и та закатилась под кровать.

– Проклятье, – выругался он, опускаясь на колени и протягивая руку в темноту. – Я не могу… просто не могу…

И тут он вдруг до конца осознал чудовищность ситуации.

– Что я за сын? – прошептал он. – Лжец и вор. Мама всегда любила меня и пыталась защитить, а теперь она умирает.

Элфи помогла Артемису подняться на ноги.

– Артемис, ты стал совсем другим человеком, и ты любишь свою мать.

– Конечно люблю. – Артемис смутился.

– Значит, ты хороший сын. И твоя мать увидит это, как только я ее вылечу.

Элфи резко мотнула головой, и магические искры закружились обратным конусом вокруг кончиков ее пальцев.

– Нет, – выпалил Артемис. – Может, сначала проверить симптомы?

Элфи сжала кулак, погасив искры, и подозрительно сощурилась.

Она сняла шлем, подошла к Артемису, близко, гораздо ближе, чем ей нравилось подходить к людям, и посмотрела ему прямо в глаза. Каждый имел собственный цвет. Странно ощущать на себе взгляд своего собственного глаза.

– Артемис, ты пытался что-нибудь сделать?

Он не отвел взгляда, в котором, как могло показаться, не было ничего, кроме грусти.

– Нет. Просто с мамой я стараюсь обращаться бережнее, чем с собственной персоной, вот и все.

Настороженность эльфийки объяснялась многолетним опытом общения с Артемисом. Почему Фаул-младший остановил ее? Он не разрешил ей применить магию, хотя раньше это никогда его не беспокоило. Может, сам уже пытался? Возможно, поток времени не лишил его украденной магии, хотя мальчишка уверял всех в обратном.

Она сжала ладонями виски Артемиса и прижалась лбом к его лбу.

– Элфи, перестань! У нас на это нет времени.

Эльфийка ничего не ответила и лишь, закрыв глаза, сосредоточилась. Фаул-младший почувствовал, как по телу, начиная с головы, растекается тепло, ощутил знакомые покалывания магии. Элфи проверяла его. Через секунду все закончилось.

– Ничего. – Она разжала руки. – Отзвуки магии. Но силы в них нет.

Артемис, покачнувшись, отступил на шаг.

– Твоя настороженность вполне понятна. Я неоднократно заслужил ее своими поступками. Но прошу тебя, осмотри маму.

Элфи наконец призналась себе, почему до сих пор медлила с попытками что-либо предпринять. Она бросила мимолетный взгляд на Ангелину Фаул. Вся ситуация вызывала слишком мучительные воспоминания.

– Конечно, Артемис. Извини, что пришлось проверить тебя. Я должна была убедиться, что тебе можно верить на слово.

– Мои чувства в данный момент не имеют значения. – Артемис подтолкнул Элфи под локоть. – А теперь – мама. Пожалуйста.

Элфи заставила себя наивнимательнейшим образом осмотреть больную, и, как только она это проделала, дрожь давно укоренившегося ужаса пробежала по всему ее телу.

– Я знаю, что это, – прошептала она. – Знаю.

– Тебе знакомы симптомы? – Артемис напряженно сглотнул.

Лицо и руки Ангелины покрывала прозрачная слизь. Она сочилась из пор кожи, непрерывно испаряясь. Глаза женщины оставались широко раскрытыми, но закатились так, что виднелись только белки. Пальцы ее сжимали простыню, словно Ангелина Фаул цеплялась за жизнь в прямом смысле.

Элфи сняла с пояса аптечку, положила ее на прикроватный столик и ватным тампоном взяла пробу слизи.

– Эта слизь… Этот запах… Не может быть. Просто не может быть.

– Чего не может быть? – Артемис стиснул ее предплечье.

Элфи, оставив его без ответа, надела шлем и открыла канал связи с Полис-Плаза.

– Жеребкинс? Слышишь меня?

Кентавр ответил после второго вызова:

– Слышу тебя, Элфи. Прикован к столу. Командующий Келп прислал пару писем – спрашивает, где ты. Я скормил ему историю о Ритуале. Думаю, у тебя есть около…

Элфи прервала его болтовню.

– Жеребкинс, послушай меня. Мать Артемиса. Думаю, мы столкнулись кое с чем… очень плохим.

Настроение кентавра мгновенно изменилось. Элфи подозревала, что он трепался только для того, чтобы скрыть беспокойство. В конце концов, сообщение Артемиса и так выглядело достаточно мрачным.

– Ладно, я подключаюсь к системам особняка. Попроси Фаула назвать пароль.

Элфи подняла щиток и взглянула Артемису прямо в глаза:

– Жеребкинс просит сообщить ему пароль системы безопасности.

– Конечно-конечно. – Артемис с трудом сосредоточился, вспоминая придуманное им самим секретное слово. – КЕНТАВР. Прописными буквами.

Отделенный от него многими километрами земной коры, Жеребкинс сохранил комплимент в специальном уголке мозга, предназначенном для особенно приятных воспоминаний. Он собирался извлечь его позже и насладиться драгоценностью за бокалом псевдовина.

– Кентавр. Понял. Вхожу.

Огромный плазменный монитор, вмонтированный в стену, мигнув, ожил. На экране возникло лицо Жеребкинса, сначала размытое, потом идеально четкое. Веб-камера в руке Артемиса зажужжала: кентавр начал дистанционную фокусировку.

– Чем больше точек зрения, тем лучше, верно? – раздался голос Жеребкинса из динамиков системы объемного звучания.

Артемис поднес камеру к лицу матери, стараясь держать ее неподвижно.

– Судя по реакции Элфи, такое состояние тебе знакомо?

Эльфийка указала на кожу Ангелины.

– Обрати внимание, из пор выделяется обильная слизь. Кстати, очень сильно пахнет лилиями, нет никаких сомнений.

– Невероятно, – пробормотал кентавр. – Мы уничтожили ее много лет назад.

– Что невероятно? Что уничтожили? – Фаул-младший уже терял самообладание.

– Понимаешь, Артемис, пока еще рано ставить точный диагноз. Любые выводы преждевременны. Элфи, я должен произвести сканирование.

Капитан Малой поднесла ладонь ко лбу Ангелины Фаул, и универсальный датчик в ее перчатке окутал больную сетью лазерных лучей.

Палец Жеребкинса раскачивался, как метроном, пока информация загружалась в его компьютер. Сие неосознанное движение могло показаться слишком легкомысленным в сложившейся ситуации.

– Ладно, – произнес он через полминуты. – Я получил все, что нужно.

Элфи сжала датчик в кулаке, подошла к Артемису и взяла его за руку, ожидая результатов анализа. На это не потребовалось много времени, поскольку Жеребкинс имел исходное представление о параметрах поиска.

Лицо его, когда он сообщал выводы, сделалось по-настоящему мрачным.

– Компьютер произвел анализ слизи. Боюсь, мы имеем дело с чаротропией.

Артемис почувствовал, как Элфи еще крепче сжала его ладонь. Очевидно, эта чаротропия – скверная штука.

Высвободив руку, он с решительным видом шагнул к монитору.

– Жеребкинс, мне нужны объяснения. Пожалуйста.

Кентавр с тяжелым вздохом кивнул.

– Хорошо. Чаротропия была сущим проклятием для волшебного народца. Исход неминуемо был летальным, с момента заражения до последней стадии проходило три месяца. После этого жить пациенту оставалось не больше

недели. В этой болезни слилось буквально все: нейротоксины, распад клеток, сопротивляемость всем обычным методам лечения, невероятная агрессивность. Честно говоря, это поражает воображение.

Фаул-младший стиснул зубы:

– Поверить не могу, Жеребкинс. Наконец хоть что-то поразило твое воображение.

Прежде чем продолжить, кентавр смахнул с носа каплю пота:

– Артемис, от этой болезни нет лекарства. По крайней мере, сейчас. Боюсь, твоя мать умирает. Судя по концентрации веществ в слизи, жить ей осталось двадцать четыре часа. Тридцать шесть, если она будет бороться. Если это тебя утешит, в конце она совсем не будет страдать.

Элфи пересекла комнату и схватила Фаула-младшего за плечо, отметив про себя, каким высоким стал ее друг.

– Артемис, мы можем облегчить ее страдания.

Юноша почти грубо сбросил с плеча ее руку.

– Нет. Я умею добиваться невозможного. Я гений, и мое оружие – информация. – Он снова повернулся к экрану. – Жеребкинс, прости, не сдержался. Теперь я пришел в себя. Ты сказал, что эта чаротропия была настоящим бедствием. Откуда она взялась?

– Все началось с магии, – просто ответил кентавр и тут же пояснил: – Земля питает магию, и когда объем загрязнений возрастает настолько, что планета не в состоянии его поглотить, магия тоже становится грязной. Впервые чаротропия появилась около двадцати лет тому назад в китайском городе Линфен.

Артемис кивнул. Все логично. Линфен имеет дурную славу из-за высокого уровня загрязнения окружающей среды. Этот город является центром угольной промышленности Китая, и воздух в нем насыщен зольной пылью, угарным газом, окислами азота, летучими органическими соединениями, мышьяком и свинцом.

Среди китайских работодателей ходит шутка: «Если работник чем-то тебя не устраивает, устрой ему командировку в Линфен».

– Болезнь передается магией, поэтому совершенно невосприимчива к ее воздействию. Она едва не уничтожила волшебный народец. За десять лет мы потеряли двадцать пять процентов населения. Сильнее всего пострадала Атлантида.

– Но вы ее остановили, – не сдавался Артемис. – Нашли лекарство.

– Это сделал не я, – вздохнул Жеребкинс. – Противоядие открыла наша старая знакомая Опал Кобой. На разработку ушло десять лет, она заломила бешеную цену. Нам потребовалось решение суда, чтобы конфисковать все запасы противоядия.

Артемис начинал терять терпение.

– Жеребкинс, мне наплевать на политику. Я хочу знать, что это за лекарство и почему мы не можем ввести его моей матери.

– Долго рассказывать.

– Сократи, – резким тоном потребовал Артемис.

Жеребкинс опустил глаза, словно не мог смотреть на Фаула-младшего.

– Лекарство возникло естественным путем. Многие живые существа имеют целебные свойства и являются естественными усилителями магии, но из-за деятельности человека больше двадцати тысяч этих потенциальных спасителей исчезают каждый год. Опал изобрела простой шприцевой пистолет, чтобы извлекать лекарство от чаротропии, не убивая животное-донора.

Артемис вдруг понял, почему Жеребкинс не может смотреть ему в глаза, и повесил голову.

– О нет. Только не это.

– Опал Кобой нашла противоядие в мозговой жидкости обитающих на Мадагаскаре шелковистых сифаки.

– Я всегда знал, что придется ответить за это, – простонал Фаул-младший.

– К сожалению, шелковистый сифаки считается исчезнувшим видом. Последний его представитель скончался почти восемь лет назад.

Взгляд Артемиса сделался почти безумным.

– Я знаю, – прошептал он, терзаемый чувством собственной вины. – Это я убил его.

Глава 4

Мартышкин дядюшка

Особняк Фаулов, почти восемь лет назад

Десятилетний Артемис Фаул закрыл файл, с которым работал, переключил монитор в спящий режим и поднялся из-за стола в своем кабинете. Отец должен войти в комнату через несколько секунд. Утром Артемис-старший по внутренней почте подтвердил время встречи, а он никогда не опаздывал. Папа очень высоко ценил свое время и хотел, чтобы сын был готов к разговору. Ровно в десять глава семейства Фаул в развевающемся кожаном пальто вошел в кабинет.

– В Мурманске минус пятнадцать, – сообщил он, пожимая сыну руку.

Артемис заблаговременно встал на особую плиту пола перед камином. Никто не требовал, чтобы он пребывал именно там, однако папа всегда располагался в

стоящем у огня кресле времен Людовика XV, а кому понравится выворачивать шею во время разговора?

Фаул-старший занял обычное место у камина, и Артемис всем существом ощутил, насколько отец доволен его предусмотрительностью.

– Судно готово, я полагаю?

– Да, готово к выходу в море, – подтвердил папа. Его голубые глаза возбужденно блестели. – Арти, мой мальчик, это совсем новый рынок. Москва уже стала одним из самых прибыльных торговых центров, и север России неминуемо последует за столицей.

– Как я понимаю, мама не слишком довольна твоей последней затеей.

На днях родители спорили до глубокой ночи. Счастливую в остальном супружескую жизнь омрачали лишь деловые интересы Артемиса-старшего. Он управлял преступной империей, щупальца которой протянулись от серебряных рудников на Аляске до судостроительных верфей в Новой Зеландии. Ангелина была убежденным борцом за охрану природы и филантропом и искренне считала, что своей криминальной деятельностью и безжалостным использованием природных ресурсов Артемис Фаул-старший подает дурной пример сыну.

– Он вырастет таким же, как его отец, – услышал как-то вечером Артемис благодаря установленному в аквариуме «жучку».

– Я думал, ты любишь его отца.

Артемис услышал шорох одежды, когда родители обнялись.

– Люблю. Люблю больше жизни. Но я люблю и эту планету.

– Любовь моя… – прошептал Артемис-старший так тихо, что «жучок» едва уловил его голос. – В последнее время возникли некоторые финансовые затруднения. Весь имеющийся в наличии капитал связан с незаконными предприятиями. Мне нужна одна крупная сделка, чтобы я мог начать переход на полностью

легальный бизнес. Как только у нас появятся акции, приносящие высокие дивиденды, мы сможем спасти весь мир.

Артемис услышал, как мать поцеловала отца.

– Хорошо, мой принц пиратов. Одна крупная сделка, и мы начнем спасать мир.

Одна крупная сделка. Партия беспошлинной кока-колы для русских. Но и, что гораздо важнее, канал торговли через Арктику. Отцу, подозревал Артемис, будет не просто расстаться с этим каналом после одной-единственной сделки. Тут пахло миллиардами.

– «Звезда Фаула» полностью загружена и готова к выходу в море, – сообщил отец Артемиса во время их запланированной встречи в кабинете. – Не забывай, одними добрыми намерениями мир не спасти. Для достижения цели нужны средства, и лучшим из них является золото.

Артемис-старший кивком указал на герб и девиз Фаулов, красовавшийся на резной деревянной панели над камином.

– Aurum potestas est. Золото – это власть. Никогда не забывай об этом, Арти. Пока у зеленых не появятся большие деньги, никто не станет их слушать.

Молодой Артемис буквально разрывался между родителями. Отец олицетворял все, ради чего существовала семья. На протяжении веков династия Фаулов процветала благодаря преданности делу обогащения, и Артемис не сомневался в том, что отец найдет способ преумножить состояние, прежде чем переключиться на охрану окружающей среды. Он любил мать, но богатство Фаулов требовалось сохранить.

– Настанет день, и тебе самому придется заниматься делами семьи. – Артемис-старший застегнул пальто. – И когда он настанет, я буду спокоен, потому что самым важным для тебя будет благополучие Фаулов.

– Конечно, папа, – кивнул Артемис. – Фаулы – самое главное. Но этот день настанет через много десятилетий.

Глава семьи рассмеялся:

– Мне остается только надеяться на это, сынок. Я должен оставить тебя. Заботься о маме, пока меня не будет. И не позволяй ей растрачивать попусту семейное состояние, хорошо?

Эти слова были произнесены в шутку, но через неделю, когда судно Артемиса-старшего потерпело аварию, а самого Фаула признали погибшим, они стали законом, по которому отныне жил его сын.

«Заботься о матери, не позволяй ей растрачивать попусту семейное состояние».

Два месяца спустя Артемис сидел за столом в том же кабинете, просматривая данные на дисплее компьютера. По экрану бежали колонки цифр, отражавшие весьма удручающее финансовое положение его семьи. Оно стало резко ухудшаться сразу же после исчезновения отца. Теперь главой и хранителем империи Фаулов сделался сам Артемис, а потому ему надлежало вести себя подобающим образом.

Как только судно Фаула-старшего кануло в черные арктические воды, все должники единодушно прекратили платежи, а группы фальшивомонетчиков, боевиков, воров и контрабандистов переметнулись в другие организации.

«Воровская честь? – с горечью подумал Артемис. – Вряд ли таковая существует».

В одночасье бо?льшая часть состояния просто испарилась, а ведь ему, кроме всего прочего, приходилось управлять имением и заботиться о маме, состояние которой стремительно приближалось к нервному расстройству.

Вскоре объявились и кредиторы, спешившие отхватить свой кусок пирога, прежде чем останутся только крошки. Чтобы оплатить закладную на особняк и погасить другие текущие платежи, Артемис был вынужден продать на аукционе рисунок Рембрандта.

Ангелина Фаул не облегчала положения.

Она наотрез отказалась верить, будто Артемис-старший пропал без вести, и упрямо продолжала спасать мир, не считаясь с расходами.

Тем временем ее сын пытался организовать экспедицию для поисков отца. А это чрезвычайно трудно, если тебе всего десять лет и никто в мире взрослых не воспринимает тебя всерьез, несмотря на многочисленные призы в области изобразительного искусства и музыки, не говоря уже о дюжине или более того прибыльных патентов и авторских лицензий, оформленных по всему миру. Со временем Артемису светило сколотить неплохое состояние, вот только, к сожалению, это «со временем» приближалось недостаточно быстро. Деньги же требовались немедленно.

Он вознамерился оборудовать аналитический центр, откуда имел бы возможность контролировать Интернет и новостные каналы. Для осуществления замысла следовало приобрести не менее двадцати компьютеров. Кроме того, в одной из московских гостиниц команда исследователей Арктики дожидалась очередной выплаты. А платить было нечем.

Юный Фаул задумчиво постучал по экрану ухоженным ногтем.

«Надо что-то делать».

Войдя в спальню, Артемис застал мать в слезах. Сердце екнуло, но он сжал кулаки и приказал себе быть сильным.

– Мама, – он помахал выпиской из банковского счета, – что это такое?

Ангелина вытерла глаза носовым платком, приподнялась на локтях и с трудом, как могло показаться, узнала сына.

– Арти… – всхлипнула она. – Мой маленький Арти. Посиди со мной.

Круги расплывшейся туши окаймляли заплаканные глаза Ангелины, угольно-черные на мертвенно-бледном, почти прозрачном лице.

«Будь сильным».

– Нет, мама. Я не стану сидеть и разговаривать с тобой. Я жду от тебя объяснений по поводу чека на пятьдесят тысяч евро, который ты послала в Центр охраны дикой природы в Южной Африке.

Ангелина явно не понимала, о чем он спрашивает.

– В Южной Африке, дорогой? Кто поехал в Южную Африку?

– Ты послала чек на пятьдесят тысяч евро в Южную Африку. Я отложил эти деньги на экспедицию в Арктику.

– Пятьдесят тысяч. Знакомая сумма. Спрошу у отца, когда он вернется. Путь только попробует снова опоздать к ужину, я…

Артемис потерял терпение:

– Мама, прошу тебя. Попытайся вспомнить. У нас нет лишних денег на благотворительность в Южной Африке. Мы уволили всех слуг, кроме Дворецки, и ему уже месяц ничего не платим.

– Лемур! – торжествующе воскликнула Ангелина. – Я вспомнила. Я купила шелковистую сифаку.

– Невозможно, – отрезал Артемис. – Вид Propithecus candidus считается вымершим.

Голос матери стал резким.

– Нет. Маленькую сифаку обнаружили в Южной Африке. Неизвестно, как она попала туда с Мадагаскара, вероятно на браконьерском судне. Я должна была ее спасти. Арти, это последний экземпляр.

– Через год или два животное умрет, – холодным тоном произнес Артемис. – И наши деньги пропадут.

Ангелина пришла в ужас:

– Ты говоришь совсем как…

– Отец? Отлично. Кто-то должен вести себя благоразумно.

Лицо Артемиса оставалось суровым, но внутри он дрожал от ужаса. Как он мог разговаривать подобным тоном с матерью, когда она сходит с ума от горя?

«Почему я не утратил присутствия духа? – спросил он себя и мгновенно ответил: – Потому что я – Фаул, а Фаулы всегда с честью преодолевали невзгоды».

– Но, мама, пятьдесят тысяч! За лемура?

– Возможно, удастся найти самку, – возразила Ангелина. – И мы сумеем спасти вид.

«Спорить бесполезно, – подумал Артемис. – Логика тут не поможет».

– И где сейчас этот счастливчик? – спросил он с невинным видом, улыбаясь так, как положено улыбаться десятилетнему мальчику при разговоре о крохотном пушистом существе.

– В полной безопасности в Ратдаун-парке. Живет как король. Завтра его отправят самолетом в специальную искусственную среду обитания во Флориде.

Артемис кивнул. Ратдаун-парк, частный заповедник в Уиклоу, создавался специально для защиты вымирающих видов. Он охранялся надежней среднего швейцарского банка.

– Превосходно. Может быть, я навещу эту обезьянку, которая обошлась нам в пятьдесят тысяч евро.

– Не ожидала от тебя, Артемис, – пожурила его мама. – Как известно, сифака – лемур, а лемуры возникли значительно раньше обезьян.

«Знаю, но мне наплевать! – Артемис едва не прокричал это вслух. – Отец пропал, а ты истратила предназначенные на экспедицию деньги на какого-то лемура!»

Но он придержал язык. Состояние матери и без того вызывало тревогу, и сын не хотел, чтобы из-за него оно ухудшилось.

– Посетителей в Ратдаун обычно не пускают, – продолжила Ангелина. – Но я уверена, для тебя сделают исключение, если я позвоню. В конце концов, Фаулы оплатили питомник для приматов.

Артемис притворился очень обрадованным.

– Спасибо, мама. Уверен, я получу незабываемое удовольствие, и Дворецки тоже. Ты же знаешь, как он любит маленьких пушистых зверюшек. Мне не терпится посмотреть на спасенное нами существо.

Ангелина улыбнулась, и безумие этой улыбки испугало сына до дрожи.

– Молодец, Артемис. Это слова настоящего крупного бизнесмена. Мать и сын, объединившись, спасут мир. Я посмеюсь над твоим отцом, когда он вернется.

У Артемиса душа ушла в пятки, и он попятился к двери.

– Да, мама. Объединившись, мы спасем мир.

Плотно прикрыв за собой дверь, Артемис бегом спустился по лестнице, на ходу разрабатывая план действий и дирижируя рукой под воображаемую мелодию. Он удалился в спальню, переоделся в дорожный костюм и направился на кухню, где обнаружил Дворецки, шинковавшего овощи коротким японским мечом кодачи. В дни испытаний гигант помимо охраны семьи взвалил на себя обязанности повара и садовника.

Огромный телохранитель ловко расправлялся с огурцом.

– Летний салат, – пояснил он. – Только зелень, яйца вкрутую и немного курятины. Хотел приготовить на десерт крем-брюле. Заодно проверил бы в деле огнемет.

Бросив взгляд на Артемиса, он вопросительно поднял бровь.

Юный мистер Фаул облачился в один из двух любимых деловых костюмов – темно-синий, в котором недавно посещал оперу в Ковент-Гарден. Мальчик всегда одевался аккуратно, но видеть его в костюме при галстуке Дворецки не привык.

– Мы идем на официальный прием?

– Нет, никакого приема не будет, – ответил Артемис нарочито холодным тоном, к которому телохранителю еще предстояло привыкнуть. – Только бизнес. Я вынужден заниматься семейными делами и должен одеваться соответственно.

– Ага… в этом вы явно стремитесь подражать отцу. – Дворецки тщательно вытер меч и снял передник. – Нам предстоит заняться привычными для семьи Фаул делами, не так ли?

– Так, – подтвердил Артемис. – Начнем с обезьяньего дядюшки.

Особняк Фаулов, настоящее время

Элфи пришла в ужас.

– Значит, в порыве мальчишеской злобы ты убил лемура?

Артемис, уже взявший себя в руки, сидел на стуле у кровати и нежно, словно птенца, держал в ладони материнскую руку.

– Нет. Иногда у меня случались приступы раздражения, ты сама прекрасно знаешь, но, как правило, непродолжительные. Эмоции не способны долго подавлять интеллект, подобный моему.

– Но ты сам сказал, что убил животное.

Артемис потер виски:

– Да, убил. В этом нет сомнений, хотя я и не брал в руки нож.

– Как именно?

– Я был молод… моложе, – пробормотал Артемис. Ему явно не хотелось говорить на эту тему. – Совсем другим человеком во многих смыслах.

– Мы знаем, каким ты был, Артемис, – печально вздохнул Жеребкинс. – Ты представишь себе не можешь, какую часть моего бюджета сожрала осада поместья Фаулов.

– Как именно ты убил лемура? – не унималась Элфи. – Как он попал в твои руки?

– Все до смешного просто, – вздохнул Артемис. – Мы с Дворецки навестили Ратдаун-парк и вывели из строя систему охраны. А вечером вернулись и забрали лемура.

– Значит, его убил Дворецки. Я удивлена – это совсем не в его стиле.

Артемис потупил взор:

– Нет, Дворецки здесь ни при чем. Я продал животное группе экстинкционистов.

– Экстинкционистов?! – ужаснулась Элфи. – Артемис, скажи, что это не так. Какой кошмар!

– Моя первая крупная сделка. Я доставил животное в Марокко, и мне заплатили за него сто тысяч евро. Этого хватило на финансирование экспедиции в Арктику.

Элфи и Жеребкинс лишились дара речи. Артемис хладнокровно и эффективно распорядился чужой жизнью. Эльфийка попятилась от человека, которого всего несколько мгновений назад считала другом.

– Я все тщательно обдумал. Или мой отец, или лемур. Разве я мог от этого отказаться? – Взгляд Артемиса выражал искреннее раскаяние. – Понимаю, я поступил ужасно. Если б можно было повернуть время вспять…

И вдруг он замер. Фаул-младший не мог изменить течение времени, но знал демона, который умел это делать. Это был шанс. Реальный шанс.

Он осторожно опустил руку матери на постель и заходил по комнате.

«Нужна музыка, – подумал он. – Музыка для плана».

Он выбрал из обширной мысленной коллекции Седьмую симфонию Бетховена и стал напряженно думать, воспроизводя ее в голове.

«Удачный выбор. Несколько мрачновато, но вызывает духовный подъем».

Артемис, ничего не замечая вокруг, ходил взад и вперед по ковру, лихорадочно перебирая в уме возможные варианты.

Элфи мгновенно поняла, чем он занят.

– У него есть план, – сообщила она Жеребкинсу.

Физиономия кентавра вытянулась, что, впрочем, не стоило ему особых мышечных усилий.

– Почему я не удивлен?

Элфи воспользовалась тем, что Артемис погрузился в размышления, и закрыла щиток, дабы поговорить с Жеребкинсом без свидетелей. Она подошла к окну и посмотрела на улицу сквозь щель в портьерах. Заходящее солнце дрожало за ветвями деревьев, красные и белые георгины пылали ярко, словно огни фейерверка.

– На карту поставлена не только жизнь матери Артемиса, – сказала она.

Жеребкинс выключил телевизор, чтобы человек не смог его услышать.

– Я знаю. В случае повторной вспышки болезни волшебному народцу грозят большие несчастья. У нас нет противоядия.

– Надо допросить Опал Кобой. Где-то должны были сохраниться ее записи.

– Опал всегда хранила наиболее ценные формулы в голове. Думаю, лесной пожар застал ее врасплох – один коварный удар лишил ее всех доноров.

Компания «Кобой индастриз» разработала специальный ультразвуковой манок и установила его в заповеднике Тсинги де Бемараха на Мадагаскаре, чтобы приманить лемуров. Практически все лемуры на острове откликнулись на зов – и погибли в пожаре, возникшем из-за удара молнии. К счастью, почти все зараженные уже прошли курс лечения, но пятнадцать подземных жителей все-таки умерли в изоляторах.

Артемис остановился и громко откашлялся. Он был готов поделиться своим планом и хотел, чтобы друзья ни на что не отвлекались.

– Наша проблема решается сравнительно просто, – сказал он.

Жеребкинс снова включил телевизор, и на плоском экране появилось его лицо.

– Наша проблема?

– Перестань, Жеребкинс. Не прикидывайся бестолочью. Болезнь подземных жителей мутировала и стала распространяться среди людей. У вас нет противоядия, так же как и времени на его разработку. Кто знает, сколько человек уже заразилось чаротропией.

«Включая меня самого, – мысленно добавил Артемис. – Я почти наверняка заразился, когда пытался исцелить мать».

– Мы установим для поместья карантинный режим, – сказал Жеребкинс. – Распространение вируса можно предотвратить, если никто не попытается лечить твою мать с помощью магии.

– Я сильно сомневаюсь в том, что моя мать – первая, кого поразил этот недуг. Трудно поверить в подобное совпадение. Уверен, есть и другие больные, и кто знает, до какой стадии развилась болезнь у них.

Жеребкинс хмыкнул – так он выражал свое согласие с чужим мнением.

– Скажи мне, Артемис, в чем заключается твое «сравнительно простое решение»?

– Я вернусь в прошлое и спасу лемура, – ответил Артемис с лучезарной улыбкой, словно предложил искупнуться в жаркий летний денек.

Молчание. Несколько минут стояла полная тишина, прерванная в итоге сдавленным ржанием Жеребкинса:

– Вернешься…

– В прошлое, – закончила за него Элфи полным сомнений тоном.

Артемис расположился в удобном кресле, сплел пальцы и кивнул:

– Готов выслушать возражения. Приступайте.

– Откуда такая самоуверенность? – спросила Элфи. – После всех трагедий, свидетелями которых мы стали, после разрушений, причиной которых послужили твои планы…

– Это решимость, а не самоуверенность, – поправил ее Артемис. – На осмотрительность нет времени. Матери осталось жить всего несколько часов, и волшебному народцу не больше.

Жеребкинс наконец захлопнул разинутый от изумления рот.

– Ты хоть представляешь, сколько заседаний конституционного комитета мы должны провести, чтобы только вынести этот вопрос на рассмотрение Совета?

Артемис небрежно манул рукой:

– Не имеет значения. Я изучил Конституцию волшебного народца. В ней не упомянуты ни люди, ни демоны. Если Номер Первый решит мне помочь, вы не

сможете на законных основаниях помешать ему.

В спор вступила Элфи.

– Артемис, это безумие. Путешествия во времени признали незаконными не просто так. Возможные последствия даже незначительного вмешательства могут оказаться катастрофическими.

Артемис грустно улыбнулся:

– Да, конечно, знаменитый парадокс времени. Если я вернусь в прошлое и убью собственного дедушку, то перестану существовать? Лично я согласен с мнением Горбена и Берндта, а эти господа полагают, что последствия уже наступили. Мы можем изменить только будущее, но не прошлое или настоящее. Если я вернусь, значит я уже возвращался.

Элфи было очень жаль Артемиса – болезнь Ангелины пробудила мучительные воспоминания о последних днях ее собственной матери.

– Артемис, мы не имеем права вмешиваться, – мягко произнесла она. – Люди должны жить так, как им предписано судьбой.

Артемис понимал, что должен встать и произнести пафосную речь, доказать свою правоту, но не мог. Он собирался самым наглым образом обмануть своего ближайшего друга, и чувство вины давило почти невыносимо.

– Ты уже вмешалась, Элфи. – Он посмотрел ей прямо в глаза.

Элфи вздрогнула, услышав его слова, и подняла забрало:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты вылечила мою мать, вылечила и погубила.

Элфи машинально отпрянула и подняла руку, словно защищаясь от ударов:

– Я? О чем ты говоришь?

Артемис, продолжая лгать, попытался заглушить чувство вины вспышкой ярости:

– Ты вылечила мою мать после осады. Это ты заразила ее чаротропией!

– Это невозможно, – вступился за эльфийку кентавр. – С момента того исцеления прошло несколько лет. Инкубационный период чаротропии длится всего три месяца и может колебаться только в пределах нескольких дней.

– Прежде болезнь не распространялась среди людей, – возразил Артемис. – Это новый штамм. Вы даже не представляете, с чем имеете дело.

От потрясения и сознания своей вины у Элфи задрожали губы. Она поверила Артемису. А тот понимал, что сам заразил мать, когда манипулировал ее памятью.

«Отец, вероятно, тоже болен. А от кого заразился я? И почему я чувствую себя нормально?»

Слишком много загадок, но с разгадками придется подождать. Сейчас необходимо найти противоядие и заручиться помощью волшебного народца, а для этого придется сыграть на их чувстве вины.

– Но я не больна, – возразила Элфи. – Меня проверяли.

– Значит, ты – переносчик, – отрезал Артемис и повернулся к изображению кентавра. – Ведь такое возможно?

Жеребкинс опешил от резкого его тона.

– Если действительно возник новый штамм, то возможно, – согласился он. – Но нельзя делать выводы, основываясь лишь на предположениях…

– В обычных обстоятельствах я бы с тобой согласился. В обычных обстоятельствах я располагал бы временем и мог бы позволить себе проявить

объективность. Но моя мать умирает, и подобная роскошь не для меня. Я должен вернуться назад и спасти лемура, и ваш моральный долг – помочь мне. Если вы откажетесь, то, по крайней мере, обещайте мне не препятствовать.

Эльфийка и кентавр молчали. Элфи – из-за угрызений совести. Жеребкинс же судорожно рылся в своей обширной памяти в поисках контраргументов. Безуспешно.

Капитан Малой сняла шлем и неуверенно подошла к постели Ангелины. Ноги плохо слушались Элфи, да и все тело тоже.

– Моя мать умерла… ее отравили люди. Это произошло случайно, но смерть есть смерть. – Слезы текли по ее щекам. – Я хотела найти этих людей. Я ненавидела их. – Элфи стиснула руки. – Прости меня, Артемис. Я не знала. Сколько еще людей заразилось от меня? Ты, должно быть, ненавидишь меня.

«Возьми свои слова обратно, – требовал внутренний голос Артемиса. – Скажи правду сейчас, или ваша дружба уже никогда не будет прежней». Но другой внутренний голос возражал: «Нет. Будь сильным. Мама должна жить».

– Как я могу ненавидеть тебя, Элфи? – едва слышно отозвался Артемис. «Я ненавижу себя, но уже поздно признаваться в обмане». – Конечно, ты ни в чем не виновата, но ты должна позволить мне вернуться назад.

Элфи кивнула и смахнула слезы с ресниц.

– Я не только позволю тебе вернуться, я отправлюсь вместе с тобой. Пара зорких глаз и верная рука могут пригодиться.

– Нет, нет и нет!!! – завопил Жеребкинс, увеличивая громкость динамиков с каждым отрицанием. – Мы не можем изменять прошлое по собственной прихоти. А вдруг Элфи решит спасти свою мать или воскресить из мертвых Джулиуса Крута? Это абсолютно недопустимо!

Артемис наставил на него палец.

– Ситуация уникальна. Того и гляди вспыхнет эпидемия, но в наших силах ее предотвратить. И не только это. Мы можем возродить вид, который считался вымершим. Возможно, я стал причиной смерти одного лемура, но остальные не погибли бы в огне, если бы не манок Опал Кобой. Вина народца ничуть не меньше моей. Вы извлекали мозговую жидкость из живых существ, чтобы спасти себя.

– П-положение было безвыходное, – возразил Жеребкинс, заикаясь от ужаса.

– Вот именно, – победоносно произнес Артемис. – Вы были готовы на все. Вспомни свои тогдашние чувства и спроси себя, хочешь ли ты пережить подобное еще раз.

Жеребкинс опустил взгляд и задумался. То время было сущим кошмаром для волшебного народца. Использование магии временно запретили. Лемуры уже погибли, когда суд наконец вынудил Опал открыть источник противоядия. В поисках альтернативного лекарства кентавр пахал день и ночь, но все его труды не увенчались успехом.

– Мы считали себя неуязвимыми. Единственную опасность для нас представлял человек. – Жеребкинс принял решение. – Лемур нужен живой. Мозговую жидкость можно хранить в течение непродолжительного времени, потом она становится инертной и лишается целебных свойств. Я разрабатывал заряженный контейнер, но…

– На этот раз у тебя все получится, – заверил его Артемис. – У тебя будет живой объект и лабораторные условия. Ты сможешь клонировать самку.

– Клонирование признано незаконным, – задумчиво произнес Жеребкинс. – Но если дело касается вымерших видов, возможны исключения…

Шлем Элфи пискнул, извещая о том, что на подъездную дорогу приземляется летательный аппарат. Поспешив к окну, она успела заметить легкую мерцающую тень на озаренной лунным светом дорожке.

«Новичок за штурвалом, – с раздражением подумала Элфи. – Не догадался включить теневые огни».

– Шаттл прибыл, – сообщила она Артемису.

– Передай пилоту, чтобы он перегнал челнок за дом в одну из конюшен. Ассистентка врача звонит по телефону из кабинета отца, и я не хочу, чтобы, выйдя из дома, она наткнулась на замаскированный аппарат волшебного народца.

Элфи передала инструкции, и все трое, замерев, стали ждать, пока шаттл не скроется за углом. Ждать пришлось долго. Тишину нарушало только хриплое затрудненное дыхание Ангелины.

– Вряд ли у Номера Первого что-нибудь выйдет, – задумчиво произнес Жеребкинс. – Он слишком молод, почти ничему не успел научиться. Путешествие во времени – самая трудная магическая операция.

Артемис ничего не сказал. Возражать не имело смысла. Все надежды он возлагал на Первого.

«У него все получится, или мама умрет».

Взяв руку Ангелины, он погладил большим пальцем сухую, как пергамент, кожу.

– Держись, мама, – прошептал Фаул-младший. – Я тебя не оставлю.

Глава 5

Объявляю вас…

Неуклюже спускавшийся по трапу шаттла маленький демон, известный как Номер Первый, выглядел, конечно, странно. Невысокое коренастое существо, защищенное серым панцирем, с короткими руками и ногами, напоминало

миниатюрного прямостоящего носорога, за исключением, конечно, головы. Голова больше походила на голову горгульи.

«Вот если бы у меня был хвост…» – думал Номер Первый.

На самом деле хвост у него имелся, но таким обрубком разве что снег в климатическом парке отдыха в центре Гавани ворошить.

Номер Первый утешал себя тем, что, по крайней мере, он не рискует обмакнуть хвост в унитаз. У некоторых демонов с Гибраса возникли определенные трудности с привыканием к новомодным сиденьям, установленным в уборных (залах сбора отходов, как их там называли) Гавани. Истории ходили самые жуткие. Только за последний месяц, как он слышал, в трех случаях пришлось прибегнуть к неотложной реплантации.

Переселение с Гибраса в реальное время демоны переносили тяжело, но помимо отрицательных имелись и положительные последствия.

Ограничения, введенные прежним вождем племени, сняли. Демонам разрешили питаться продуктами, подвергнутыми кулинарной обработке. Семейные связи восстановились. Даже самые воинственные чувствовали себя более спокойно, когда рядом находились их матери. Труднее оказалось избавиться от насаждавшегося на протяжении десяти тысяч лет человеконенавистничества. Многим демонам-самцам пришлось пройти курс лечения, другие постоянно принимали успокоительное, дабы подавить в себе порыв вскочить на ближайший шаттл, добраться до поверхности и отрубить что-нибудь первому встречному человеку.

Номера Первого это, впрочем, не касалось, он никогда не испытывал желания кому-нибудь что-нибудь отрубить. Он был своего рода аномалией среди демонов. Номер Первый любил всех, даже людей, особенно Артемиса Фаула, который всех их спас не только от ужасного мрака безвременья, но и от бывшего вождя племени – психопата Леона Аббота.

Поэтому, когда через Восьмой отдел пришло сообщение о том, что Артемис нуждается в его помощи, Номер Первый пристегнулся к креслу шаттла и потребовал, чтобы его доставили на поверхность немедленно. Командир летного отделения Виниайа согласилась, ибо несогласие могло вызвать у неопытного

колдуна приступ магического раздражения. Однажды, в очередной раз не поверив в свои силы, Номер Первый случайно разрушил увеличительную стену огромного городского аквариума. Горожане до сих пор время от времени находили мелкую рыбешку в сливных бачках.

«Я тебя отпущу, – сказала ему Виниайа, – но только если команда охранников будет постоянно держать тебя за руку».

Ее не следовало понимать буквально. Номер Первый уяснил это, когда попытался взять за руку капитана охраны.

– Но так приказала командир Виниайа, – попытался объяснить он.

– Убери лапы, демон! – рявкнул капитан. – В мою вахту никаких «за ручку».

Поэтому Номер Первый подходил к особняку Фаулов самостоятельно, хотя его окружали невидимые полицейские. На полпути к дому он спохватился, что забыл изменить внешность, и торопливо проделал это при помощи соответствующего заклинания. Теперь любой человек, взглянувший на подъездную дорогу, узрел бы маленького мальчика в развевающемся цветастом платье, решительно шагающего к парадной двери. Такого мальчика Номер Первый видел в снятом полвека назад человеческом кино и считал данный образ воплощением безобидности.

Волею судьбы Номер Первый буквально столкнулся в дверях с мисс Бук. Увидев демона, медсестра-пиарщица застыла как вкопанная. Потом неловко сдернула очки, словно они передавали глазам ложную информацию.

– Привет, малыш, – улыбнулась ассистентка профессора.

Она веселилась бы куда меньше, если б знала, что ей в голову нацелены двенадцать плазменных винтовок.

– Привет! – так же весело отозвался Номер Первый. – Я всех люблю, поэтому не надо меня бояться.

Улыбка мисс Бук поблекла.

– Бояться? Конечно нет. Ты кого-нибудь ищешь? Играешь в маскарад?

Вылетевший из дома Артемис прервал их разговор.

– А… Фердинанд, где ты пропадал? – воскликнул он, быстро проводя Номера Первого мимо медсестры. – Это Фердинанд, сын садовника, – объяснил Фаул-младший. – Любит играть в театр. Я вызову его отца, чтобы он забрал мальчика.

– Хорошая мысль. – В голосе мисс Бук слышалось некоторое сомнение. – Комната вашей матери закрыта как следует, но тем не менее я бы не стала позволять ему подниматься на верхний этаж.

– Разумеется. Я выведу его из дома через черный ход.

– Вот и славно. Я пойду подышу свежим воздухом, а когда вернусь, осмотрю вашу мать.

– Можете не торопиться, – заверил Артемис. – Я умею считывать показания приборов.

«Сам изобрел некоторые из них», – добавил он мысленно.

Как только мисс Бук скрылась за углом, Фаул-младший помчался со своим другом-демоном вверх по лестнице.

– Мы поднимаемся на верхний этаж, – неуверенно запротестовал Номер Первый. – Разве эта молодая дама не сказала, что меня нельзя туда пускать?

Артемис вздохнул:

– Первый, ты давно меня знаешь?

Номер Первый кивнул с заговорщицким видом:

– А, понятно. Артемис Фаул никогда не поступает так, как ему говорят.

Элфи встретила Номера Первого на площадке, но отказалась обнять, пока не перестанет действовать меняющее образ заклинание.

– Мне не нравится ощущение, – сказала она. – Как будто обнимаешь мокрую губку.

Номер Первый обиженно надулся:

– А мне нравится быть Фердинандом. Люди мне улыбаются.

Артемис заверил гостя, что в кабинете никто не станет за ним подглядывать, поэтому колдун дождался, пока дверь за ними закроется, и одним щелчком отменил заклинание. Фердинанд осыпался с тела Номера Первого искристым облачком, и глазам присутствующих предстал маленький серый демон, без одежды, зато с улыбкой.

Теперь Элфи крепко обняла его:

– Я знала, что ты придешь. Мы отчаянно нуждаемся в твоей помощи.

Номер Первый перестал улыбаться:

– Ах да, мать Артемиса. Она нуждается в магическом исцелении?

– В этом она нуждается меньше всего, – ответила Элфи.

Номер Первый немедленно согласился помочь, как только ему объяснили ситуацию.

– Артемис, тебе повезло. – Маленький демон взволнованно шевелил восемью пальцами. – На прошлой неделе я как раз занимался путешествиями во времени по программе обучения на диплом колдуна.

– Готов поспорить, студентов не много, – сухо заметил Артемис.

– Я один, – признался Номер Первый. – А преподает, разумеется, Кван. Похоже, я самый могущественный колдун из всех, с кем ему приходилось встречаться.

– Отлично, – сказал Артемис. – Значит, для тебя не проблема перенести нас всех в прошлое.

Жеребкинс появился одновременно на всех пяти установленных в кабинете мониторах.

– Всех?! – воскликнуло каждое изображение. – Всех? Ты не можешь забрать Номера Первого с собой.

Артемис не был расположен спорить.

– Жеребкинс, он мне нужен. Разговор окончен.

Голова кентавра, казалось, вот-вот выскочит из экрана.

– Нет, вовсе не окончен! Элфи – взрослая, она сама способна принимать решение, но Номер Первый – почти ребенок. Ты не имеешь права подвергать его опасности. Слишком много надежд возложено на этого маленького демона. От него зависит будущее всех ветвей волшебного народца.

– Если Номер Первый не перенесет нас в прошлое, будущего не увидит никто из нас.

– Прошу вас, замолчите, – попросил Номер Первый. – От ваших споров у меня кружится голова. У нас нет времени на это.

Кровь бросилась в лицо Артемису, но он заставил себя замолчать, в отличие от Жеребкинса, который продолжал орать, правда приглушив звук.

– Жеребкинсу надо выговориться, – объяснила Элфи, – иначе у него голова разболится.

Они подождали, пока кентавр успокоится, потом заговорил Номер Первый:

– Артемис, в любом случае я не смогу сопровождать тебя. Все происходит иначе.

– Но ты перенес нас домой с Гибраса.

– Это сделал Кван. Он – мастер, а я – всего лишь ученик. Кроме того, у нас нет ни малейшего желания снова оказаться на Гибрасе. Если ты хочешь вернуться сюда, я должен остаться здесь как якорь.

– Объясни, – просто попросил Артемис.

Номер Первый широко раскинул руки.

– Я – маяк, – объявил он. – Сверкающая сверхновая звезда. Вся выпущенная мной в эфир магия притягивается обратно ко мне. Я пошлю вас в прошлое, и вы вернетесь ко мне, как щенки на поводке. – Номер Первый нахмурился, не слишком довольный таким сравнением. – Ну, как на поводке-рулетке.

– Мы поняли, – сказал Артемис. – Сколько времени потребуется на составление заклинания?

Номер Первый задумчиво пожевал губу.

– Примерно столько же, сколько потребуется вам двоим, чтобы раздеться.

– Хурк, – буркнул Артемис, едва не задохнувшись от удивления.

– Д’Арвит, – выругалась Элфи.

– Думаю, все знают, что значит «Д’Арвит», – сказал Номер Первый. – Но такого слова, как «хурк», я не знаю. Может быть, ты имел в виду «hark», что на твоем языке означает «прислушиваться» или «вспоминать что-либо из прошлого», что, на мой взгляд, вполне уместно. Возможно, ты говорил по-голландски, в этом случае «hurk» можно перевести как «сидеть на корточках». – Номер Первый подмигнул. – В моем случае «припадать к земле».

Артемис наклонился к похожему на рожок уху демона:

– Почему мы должны снять одежду?

– Это очень хороший вопрос, – прошипела Элфи в другое ухо.

– Все очень просто, – ответил Номер Первый. – Я не так опытен, как Кван. Но даже во время последнего перемещения, которым он руководил, вы умудрились поменяться глазами – вероятно, потому, что кое-кто сосредоточился на краже магии. Если вы возьмете с собой одежду или оружие, вещи могут слиться воедино с вашими телами. – Демон поднял вверх палец. – Правило номер один для перемещения во времени: не усложняй. Вам потребуется максимально сосредоточиться, чтобы собрать собственные руки-ноги. А ведь еще придется думать о лемуре.

Номер Первый заметил смущение Артемиса и Элфи и решил сжалиться:

– Полагаю, одну вещь вы можете взять с собой, если это так необходимо. Небольшую деталь одежды, но убедитесь, что ее цвет вам к лицу, потому что носить данный предмет вам придется достаточно долго.

Оба понимали, что сейчас не до застенчивости, и все же густо покраснели. Элфи поборола смущение тем, что начала поспешно стаскивать с себя маскировочный костюм.

– Я оставляю это, – заявила она тоном, в котором отчетливо слышалось: «И только попробуй возрази!»

Предмет одежды походил на купальник, но с накладками на плечах и спине, к которым крепились крылья. Встроенные тепловые и кинетические панели, работавшие за счет поглощения энергии пользователя, служили источником питания костюма.

– Хорошо, – сказал Номер Первый. – Но советую снять накладки и электронные приборы.

Элфи кивнула и сорвала накладки с «липучек».

Артемис собрал вещи Элфи.

– Положу твой шлем и костюм в сейф – хочу быть уверен, что на них никто не покусится. Не стоит рисковать, когда дело касается технологии волшебного народца.

– Заговорил, как настоящий кентавр, – заметил Жеребкинс.

Спрятать эльфийское снаряжение было делом одной минуты, и, вернувшись из хранилища, Артемис снял рубашку и брюки и аккуратно повесил их в шкаф. Туфли он поставил на полку для обуви рядом с несколькими аналогичными парами черных и одной коричневой для повседневной носки.

– Прикольное бельишко, – хихикнул с экрана Жеребкинс, на мгновение забыв о серьезности ситуации.

На Артемисе остались лишь трусы-«боксеры» от Армани, пунцового, как и его лицо, цвета.

– Может, продолжим? – раздраженно произнес он. – Куда нам встать?

– Туда, где хотите оказаться, – просто ответил Номер Первый. – Мне будет гораздо проще, если вы взлетите и приземлитесь в одной точке. Провести вас со сверхсветовой скоростью по узкому, словно червоточина, каналу и так достаточно трудно, чтобы еще и о месте думать.

– Мы стоим на нужном месте, – сказал Артемис. – Сюда-то нам и надо.

– Вы должны точно знать, в каком времени хотите оказаться, – добавил Номер Первый. – Временны?е координаты важны не менее, чем географические.

– Я знаю время.

– Отлично, – сказал Номер Первый, потирая руки. – Пора отправлять вас в путь.

– Я не завершила Ритуал, – спохватилась Элфи. – У меня почти не осталось магии, а тогда нам придется туго, потому что оружие мы оставляем. У нас нет желудя.

– Не говоря уже об излучине реки, – добавил Артемис.

Номер Первый ухмыльнулся.

– Да, это могло бы стать серьезным препятствием, но…

Спиральные руны на лбу демона накалились докрасна и завертелись, как огненное колесо. Зрелище завораживало.

– Ого! – воскликнула Элфи. – Это же просто…

Тут пульсирующий малиновый луч магии вырвался из центра руны и окутал Элфи коконом света.

– Теперь ты полна до краев, – низко поклонился Номер Первый. – Большое спасибо. Работаем без выходных. Не забудьте напомнить вашим гоблинам зарыть желуди.

– Ого! – снова воскликнула Элфи, когда кончики пальцев перестали дрожать. – Ловкий трюк.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Официант, сюда (фр.) (Здесь и далее примеч. ред.)

2

Зал для упражнений в японских боевых искусствах.

3

«Зона 51» – неофициальное название военного полигона в США, где якобы в строжайшей тайне хранилось то, что осталось после крушения НЛО.

4

А. Теннисон. «Кракен». Перевод К. Бальмонта.

Купить: https://tellnovel.com/kolfer_yon/artemis-faul-paradoks-vremeni

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити